

Рождённый

Зейра
Асгерд

править

12+

Зейра Асгерд

Рожденный править

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66317108

SelfPub; 2021

Аннотация

Ещё с давних времен в мире существует одно единственное правило. То, что никому не дозволено изменить: ни природе, ни человеку, ни даже Богам. И имя ей – Судьба. Ответвления недопустимы – шаг влево, шаг вправо и смерть несомненно настигнет тебя.

Однако же всякий раз находится душа, что норовит свернуть с предначертанного ей пути. И всякий раз Судьба находит её раньше. Но не в этот раз. Что же теперь ждет народ Ардана, как и всего мира? Близок ли конец или этого ещё можно избежать?

Кто он – безликая тень, посланная самими небесами? Спаситель или же простой убийца? Судьба всего человечества теперь в его руках, и только он способен восстановить баланс и свершить правосудие. Но так ли это на самом деле?

Зейра Асгерд

Рожденный править

Пролог.

Случаются дни и ночи, когда, оставаясь наедине с самими собой, люди неосознанно начинают видеть в себе недостатки. Желая отвлечься, они пытаются найти себе самые разные увлечения. Одни разглагольствуют сидя за столом в шумной таверне, тогда как другие находят покой в искусстве. Наблюдая за выдуманнными персонажами на сцене театра, зрители радуются, смеются и плачут без малейшего стеснения, а потом возвращаются в реальный мир, оставляя все свои тревоги позади.

Тем не менее в ночь, когда, весь мир пришёл в движение, пробудившись от долгой спячки, словно бы ржавые до ужаса шестерёнки в старинных часах вновь начали свой ход, всё подверглось изменению. Привычные ранее вещи, казалось, стали совсем чужими. И только уткнувшись носом в факт перемен, можно было постичь правду. Сложно сказать, удастся ли когда-нибудь получить ответ на вопрос, почему всё случилось именно так, а не иначе. Вероятно, подобное смогло произойти только потому, что у богов тоже есть чувство юмора.

Начало было положено. Именно здесь, в квартале «Огнен-

ных фонарей», который, по своей сути, напоминал места, которые существуют только для того, чтобы люди могли происходить отсюда родом. Здесь они могли почувствовать себя свободными и в то же время настоящими рабами. Будь то ненужная безделушка или человек – разницы не было. Даже какеи – купцы, что обычно обменивали деньги – старались не вмешиваться в торговые дела квартала. «Не купил – не твоё!» – вот и все.

Однако, вот уже очень давно это место перестало существовать. За один день всё до малейшей щепки было предано огню. Многие тогда сгорели в жарком пламени вместе со своими ветхими жилищами. Никому не удалось сбежать.

Жители Мелы встретили её в разгаре дня, а вечно нелюдимые эмдавийцы глубокой ночью. В эту пору земли пустынного Таоса тонули в рассветных лучах, а побережья близ островов Нового Усуи врезались в прохладный вечер.

Но луна цвета крови всходила над планетой не всегда. Живым было невдомёк, что это лишь первый знак грядущих перемен. Небесное светило ещё долго радовало собой небо-свод, прислушиваясь к миру до тех пор, пока вокруг не зазвенело от тишины. Последняя искра праведного пламени потухла, оставив на земле несмываемый отпечаток цвета мглы. Пепельная долина – вот и всё, что оставил подле себя знаменитый квартал «Огненных фонарей».

Мир вздрогнул. Он знал, что потерпел поражение. Пока все вокруг были обеспокоены затмением, пытаясь найти

ему самые разные объяснения, небеса уже сделали свой ход. По всей Земле стали рождаться дети с необычными способностями, отличительной чертой которых стал особый извилистый орнамент на левом предплечье – одарённые. Некоторым из них были не свойственны ложь или тщеславие. Такие дети видели всё самое грязное в душах других людей, будто тёмное пятно на белоснежной рубахе, за и что и были прозваны правдолюбивцами. Другие же могли видеть будущее. Однако судьбу невозможно изменить, всё идёт так, как оно и должно быть.

Были и ещё одни, чью тайну никто до конца так и не смог разгадать. В детстве их дар почти не различим и лишь с возрастом набирает должную силу. Способность контролировать, управлять – вот чем обладали последние. Власть их взгляда и слова просто не поддавалась объяснению. Из-за этого приговор для них был ясен – истребление.

Глава 1.

Вернес.

Материк Аделиада, Пепельная долина

27 ноября, 1317 год

Так минуло множество долгих лет. Мир изменился. Дни волочились один за другим, терпеливо прозябая в нескончаемой очереди. Когда-то, на заре основания множественной вселенной, предпринималась попытка запустить всю эту

очередь целиком, но меры не увенчались успехом. Для этого у богов плоховато с воображением.

Среди многочисленных изъянов, люди со временем стали выделять ещё одну особенность – невзрачность, что была присуща лишь единицам. Людей с подобной чертой можно было без особых усилий заметить в первой же провонявшей сверху до низу отходами подворотне, просящими милостыню в старой и изношенной одежде. Не все были рады *одарённым*, из-за чего те не редко коротали последние минуты в бедности и нищете, скрываясь среди шумного гула, нависшего над лабиринтами переулочков.

Порой, как-то само собой напрашивалось подозрение, что боги миров, подобных этому, просто под устали от установленного уклада и решили немного поиграть с людьми, словно те – пешки на их шахматной доске. Но подобное суждение не будет истинным. Богов, играющих в шахматы, попросту не существует. И по большей части за этим скрывается нечто другое, тёмное и ужасное.

Так, сквозь непостижимые толщи космоса несёт своё бремя один крошечный огонёк. Ни одно живое существо ещё не подозревает, что этому человеку уготовила судьба. Люди, с которыми ему довелось встречаться в детстве, мысленно относили его к некой специфической разновидности попугая, обитателя одного вулканического острова недалеко от берегов вытянутого, словно коса, Таоса. Тогда как сам же он считал себя человеком созерцательного склада, уютно чувству-

ющем себя в толково устроенном климате – когда в воздухе сухо и солнышко припекает.

Подобно большинству смертных – по крайней мере, подобно тому большинству, что заполняет возрастной промежуток от нуля до восемнадцати лет – он не отягощал свой рассудок мыслями о том, что случится с ним по окончании срока жизни. Подобно большинству смертных, он наивно полагал, что тем или другим образом всё должно устроиться по-человечески.

И подобно большинству смертных, канувших в Лету, Вернес нынче был мёртв.

Выражаясь более точно, его тело было сожжено, обращено в пепел и после оставлено на растерзание ледяному ветру, приходящему со стороны Южного моря. Уцелела лишь душа, продолжив нести своё существование и став извечным пленником Пепельной долины.

В течение долгих лет он скитался по пустынным просторам, не решаясь выйти за пределы. Живым ведь невдомёк, как сложно выглядит мир с точки зрения покойника, потому что смерть, освобождая разум от смирительной рубашки, в которой её держат, отсекает его также и от времени. Правда Вернес понял это далеко не сразу, а только спустя несколько безуспешных попыток. Наверное, единственное, что он мог сказать наверняка – материального сосуда для его души больше не существовало, а, следовательно, и вернуться он не мог.

Замерзшая земля под ногами – если бы таковые у него имелись – была окутана покоем и отдавала уютным запахом жести. Этот запах был слишком хорошо знаком Вернесу и уходил своими корнями в далёкое прошлое. С неба, если что-то изредка и падало, то только свежие, пушистые снежинки. Серый утренний свет, окатив пустынный пейзаж, захлестнул далёкое волнующееся море. Всё вокруг было, как прежде, за исключением одного – кто-то или что-то уже очень долгое время не спускало с Вернеса любопытных глаз.

Дух тревожно возрился на вспыхнувший край горизонта. Вокруг было совершенно пусто, ни единой души.

– КОГО-ТО ИЩЕШЬ

Голос обладал дивным раскатистым выговором, позволявшем ему журчать и искриться. Если бы Создатель Вселенной был наделён голосовыми связками, то определённо одаривал бы слушателей чем-то схожим по звучанию. Единственный изъян заключался в том, что тот был лишён всякой интонации. Из-за чего являлись ли те слова утверждением или вопросом, Вернес так и понял.

А меж тем тусклое зимнее солнце скрылось за облаками, принеся в мир темноту. Ветер с каждой секундой набирал силу, образуя из мелких песчинок целые вихри. Окрестные леса, что расстилались целой грядой далеко-далеко впереди, покрывшись сизой испариной, зашлись в буйной овации. Что-то надвигалось.

– ТЕБЕ, ПОХОЖЕ, ТАК НИКТО НИЧЕГО И НЕ ОБЪ-

ЯСНИЛ, – наконец после затяжного молчания обронил незнакомец.

– Виноват?

– НУ, НАДЕЮСЬ, ТЫ НЕ БУДЕШЬ ИЗВОДИТЬ СЕБЯ ИЗ-ЗА ТАКИХ ПУСТЯКОВ.

Вернес с замиранием наблюдал, как нечто явно не земного происхождения медленно прорисовывалось на фоне встревоженного моря.

– Я не понимаю, – тихо промямлил дух.

– И НЕ ДОЛЖЕН. У МЕНЯ МНОГО ИМЁН, НО ТЕБЕ СЛЕДУЕТ ЗНАТЬ ТОЛЬКО ОДНО

– О чём это вы?

– О СУДЬБЕ. ОБ УЧАСТИ. О РОКЕ. МАЛО ИХ ЧТО ЛИ... – сгусток резко сжался до размеров маленькой точки. – УЖЕ СОВСЕМ СКОРО ПРИДЁТ И ТВОЁ ВРЕМЯ.

Не переставая изменять свои формы, он резко устремился вверх. Дух, стараясь не растерять достоинство, метнулся следом, нагнав того только у самых облаков.

– ТОЛЬКО ВЗГЛЯНИ, ЭТА ЗЕМЛЯ МОГЛА ЕЩЁ ДОЛГО ПРОЦВЕТАТЬ И БЫТЬ ПРИЮТОМ ДЛЯ МНОГИХ БЕЖЕНЦЕВ. А ЧТО В ИТОГЕ? ВОТ, ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА ИДЁШЬ ПРОТИВ СУДЬБЫ. ЛЮДИ БЕЗМЕРНО ЖАДНЫ, БЕЗДУШНЫ И ПРОНИЗАНЫ ЗЛОМ. И ЭТО НАКАЗАНИЕ УЖЕ ДАВНО ОЖИДАЛО СВОЕГО ЧАСА. НО, ПОЛАГАЮ, ЭТО ТЫ УЗНАЕШЬ, КОГДА ВЫПОЛНИШЬ СВОЁ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ.

– Но я же мёртв... – дух с негодованием воззрился на почерневшую материю.

– ОТЧЕГО Ж...? ТЕБЯ СМОГУТ ВИДЕТЬ, НУЖНО ЛИШЬ НЕМНОГО ПОДОЖДАТЬ...

Ветер свирепел. Молния, словно искусный убийца, изгоняла из земли душу градом беспорядочных уколов. Над тёмными, иссечёнными ливнем просторами катались взад-вперёд раскаты грома. Теперь, когда соотношение сил в мире было нарушено, буря пыталась выложиться без остатка. Долина, что всегда была холодной и источала спокойствие, была готова вот-вот взорваться.

– ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТО – НЕ НАВСЕГДА.

– Но как же...?

– НАСКОЛЬКО Я ЗНАЮ, О ТАКИХ ВЕЩАХ РАНО ИЛИ ПОЗДНО САМ ДОГАДЫВАЕШЬСЯ, – буркнул свет, после чего начал неистово моргать и сжиматься – ЧТО Ж, КАЖЕТСЯ ЗДЕСЬ МОЁ ВРЕМЯ ПОДОШЛО К КОНЦУ. НАДЕЮСЬ, ЕЩЁ СВИДЕМСЯ.

– Стой! Что всё это значит?!

Но долговязое создание уже, кажется, пришло к какому-то решению и благополучно исчезло также, как и появилось, не удостоив Вернеса ответом. В отчаянии дух медленно опустился на землю и пнул ногой вязкий песок – и, к вящей своей удручённости, обнажил, что нечто на подобии ступни оставило на нём след. Жуткий вывод пришёл на ум покойнику, но, к сожалению, слишком поздно. Взревев, последние

частички пепла и пыли бурным потоком ринулись к нему и облепили со всех сторон, придавая человеческую форму. Сколько не вырывайся – всё бесполезно. Его душу будто бы сковали железные цепи и силой удерживали на этой земле, утаскивая всё глубже вниз. Гроза, рокоча и ворча, грозно сверкнула на свинцовом небе, поглотив под собой последний яростный вскрик.

Буря бушевала самозабвенно. Она чувствовала, что этот день – её. Не год, не два буря уже не заглядывала в этот край, отказываясь от работы. Ей уже давно пора было напомнить о себе, даже если бы это принесло в мир лишь хаос.

Глава 2.

Лео.

Архипелаг Новый Усуи, о. Дион

23 ноября, 1317 год.

В утренней дымке постепенно прорисовывались редкие очертания причалившего к берегу судна. Волны монотонно бились о берег, донося брызги до его деревянного борта. Стоя в нескольких шагах от берега, незнакомая прежде этим землям фигура смотрела на раскинувшийся перед глазами пейзаж. Дул лёгкий прохладный ветер, который, разнося в воздухе крошечные песчинки песка, нарушал тишину этого места. Минут через пять фигура сменила положение, присев на корточки.

За всю жизнь, что длилась по подсчётам Лео вот уже около 19 лет, он ещё ни разу не бывал в местах, подобных этому. Всё же Цегин был удивительным городом. По крайней мере, так заверяли его неуёмные торговцы, за очередной кружкой яблочного сидра – после пятой, Лео перестал считать. Об этом городе уже давно судачили где и когда только язык повернётся, приписывая целую уйму легенд, не то правдивых, не то до ужаса абсурдных. Кроме того, только отсюда можно было попасть в Элегон, прибрежный город королевства Ардан. А оттуда и до столицы рукой подать.

Причалив недалеко от пристани, юноша ещё некоторое время не решался сдвинуться с места, пристально вглядываясь вглубь гавани. Лишних монет на содержание своего маленького судёнышка, которое и так уже вот-вот должно развалиться, у него не имелось. А береговая охрана в последнее время стала совершенно невыносимой и могла запросто содрать за любое нарушение не меньше двух серебряников. Поэтому, припрятав своё сокровище, как можно надёжнее, Лео надвинул капюшон и, ещё раз убедившись, что на пирсе никого нет, выдвинулся в путь.

Ветер дул с севера, нагоняя хмурые облака. Старая пристань, провонявшая водорослями и тухлой рыбой, всё ещё дремала. Силуэты судов с убранными парусами были еле видны и растворялись в дымке раннего утра. Их мачты издали чем-то напоминали настоящих скелетов и от этого выглядели ещё мрачнее. Сбившиеся у пристаней лодчонки

местных рыбаков раскачивались вместе с мусором. Никто из местных не спешил покидать порт.

Осмотревшись, Лео не увидел ничего знакомого. Дома у кромки воды все как на подбор низкие, почти ни одного каменного. Дерево знатно отдавало сыростью после недавнего прилива. Об этом говорили забившиеся в щели между стен ракушки и водоросли, гнилые основания хижин, чёрная плесень. Всё кругом было каким-то серым, тихим и блеклым.

Путник свернул на главную улицу. В тишине стук сердца казался громче. Лео то и дело оглядывался по сторонам, но за ним следили разве что изголодавшиеся чайки. Вдали от бушующих волн попадалось всё больше добротных зданий. Грязные тропки сменяли собой мощёные улицы с вывесками. Одна из них как раз и привлекла внимание юноши, заставив улыбнуться.

Здание оказалось небольшим, всего в два этажа. Нижний был выложен из кирпича и покрашен, второй сбит из досок. Наверху имелось нечто на подобии балкончика, украшенного цветами. Холодные ветра Аделиады и Эмдавы редко забредали столь далеко, потому хрупким бутонам было нечего бояться. У порога посетителя встречала старая деревянная табличка и скрипучая лестница.

Дверь распахнулась, не успел Лео потянуться к ручке.

– С дороги!

Девушку трясло от ярости. Азарт, страх и ненависть смешались в глазах дикарки. На поясе звонко дребезжали мед-

ные монеты. Отбрасывая тусклую тень, они крепко крепились на тонкую леску, тянувшейся вдоль талии. Спутанные волосы отдавали приятным ароматом. Так пахли одни лиловые цветы, что росли на севере Таоса. Для человека, что пытается скрыть свою увлечённость, матушка Лео любила их слишком сильно. Расцветали они лишь в жаркий полдень на огромных каменных глыбах с крутыми склонами и острыми выступами. О их целебном нектаре ходило много легенд по всему миру, но все они были не более, чем вымыслами. Ещё никому не удалось сорвать этот удивительный цветок. Лишь безумец отправится в горы, подстрекаемый простыми слухами.

– Заходите?

Юноша обернулся. Перед ним стоял человек, низенький, коренастый, но не толстый; на голову ниже Лео. Одет и того проще, ничего вызывающего. Всё же здесь, видно, люди живут не богато.

– Дей, здешний хозяин – уточнил он и, не говоря больше ни слова, ретировался вглубь корчмы.

Помещение оказалось небольшим, чуть задымленным, уютным. Время от времени где-то раздавались чьи-то голоса, слышался смех и стук кружек. Никто не обращал внимания на замершего в проёме путника. Пройдя чуть вперёд, он остановился, давая глазам привыкнуть к тусклому освещению, после чего смог спокойно рассмотреть заполнивших залу посетителей. Народу было пока ещё мало, толь-

ко несколько постояльцев, группа пьяниц, играющих в кости, да небольшой отряд вооружённых людей.

Дей остановился возле маленькой неприметной дверки в дальнем конце комнаты и вежливо приоткрыл её, подзывая к себе парня. Узкая лестница вела глубоко вниз и почти не освещалась. Рука хозяина указала куда-то в угол. Лео скосил глаза, но за простирающейся вглубь подвала темноты не смог ничего рассмотреть.

– Ты ведь не здешний? – корчмарь был остёр на язык. Рыжие патлы спадали кудрями на лоб, частично прикрывая глаза. Он был холоден и сдержан в общении: говорил только по делу. Подобное юноша видел впервые.

– Все верно, но как вы...

– Одежда – только и промолвил тот, и, кинув быстрый взгляд на оставшееся позади помещение, начал спуск.

Лео почесал в затылке и, послушно последовал за хозяином. По пути он не раз оглядывал себя с головы до пят, чем вызывал явное раздражение. Его бурное бормотание тихим эхом отдавалось от каменных стен и разносилось по коридору. Услышать его было просто невозможно.

Вскоре перед ними показалась новая дверь. Дей немного помедлил, после чего, взявшись за ручку, с силой отворил её. В уши ударил громкий хохот и треск кружек о стол. Затемненное помещение кипело жизнью. По каменным стенам бегали алые отблески пылающего в камине огня, в кованых шандалах горели свечи. Между столами шныряли торговцы

– их сразу же можно было узнать по специфическим нарядам – наемники, простые рабочие. Здесь было гораздо больше народу, нежели наверху, словно бы весь город собрался разом. В глубине залы также виднелась небольшая стойка. За ней, наверное, и продавали еду. Рядом стояло несколько девушек, они приветливо улыбались всем проходимцам, а к некоторым даже подсаживались за стол. Их одежды напоминали настоящее искусство, волосы украшали причудливые украшения, местами проглядывал даже жемчуг. Все было очень дорогим, а потому и не сложно было догадаться, что все это лишь часть их работы.

– Это – нижний этаж. Мы построили его специально для таких, как ты – чужеземцев. Местные, к сожалению, они очень уж вас жалуют, однако это приносит нам очень хорошую прибыль, – Дей глубоко вздохнул, – Если вдруг что случится, то сразу звони. Я услышу. – он указал на привешенный возле двери шнурок, уходящий в отверстие над косяком.

– А...спасибо. Но я зашел только, чтобы осмотреться. Но хозяин уже исчез за дверью.

Лео молча проследовал вперед, так, по крайней мере, можно было намного лучше рассмотреть, что из себя представляло данное помещение. Прямо напротив входа, у дальней стены, находилась ещё одна двустворчатая дверь, по левую руку – стойка, за ней – ряд темно-коричневых исполинских бочек; там же помещался небольшой камин. Вдоль

длинной стойки выстроились высокие деревянные табу­ре­ты, сейчас занятые народом, неторопливо попивавшим пи­во, что-то жующим или просто поку­ри­вав­шим трубки. Спра­ва на стене висела огромная доска объявлений с множеством приколотых к ней записок и коллекция трофеев. Перед этим стояли длинные столы, занимавшие середину помещения; вдоль стен же были расставлены столики поменьше, на два-три места. За стойкой и в зале ловко управлялись те самые девушки, которых Лео заметил ещё у самого входа.

– Вы наш новый постоялец? Не желаете ли чего? – мужчина за стойкой приподнял голову в качестве приветствия, расплачиваясь с очередным зевакой.

– Нет, благодарю вас, сэр. Я лишь..

– Может тогда желаете отведать жареной рыбы? Или лучше черничного пирога? Здесь есть все на любой вкус и цвет! Ну же, не стесняйтесь! Вы ведь наверняка устали после длин­ной дороги, я прав?

Продавец явно знал свое дело и не желал уступать. Юноше ничего не оставалось, кроме как согласиться. Однако еда на вид не только оказалась не самой лучшей, но и вкус был про­сто омерзителен. И как можно этим питаться? От чернич­ного пирога осталось лишь одно название, а сам он на деле приходился чем-то отдаленно напоминающим отходы жиз­недеятельности. Пиво – обычное дешевое пойло, что мож­но было выпить в любой другой забегаловке – было очень густым и жутко воняло. Глупо было полагать, что это место

являлось чем-то особенным.

– Эй, ты видел ту девку? Похоже, у неё снова день не задался. Уже целый месяц без дела ошивается – долетело до ушей скитальца из-за соседнего столика.

– Держу пари её и саму скоро поймают – поддержал собеседник.

Лео настороженно поправил плащ, внутри все дрожало от волнения. Он хотел есть, хотя всего секунду назад не мог вынести даже одного запаха еды. Юноша залпом выдул кружку крепкого пива и стал ждать прилива храбрости. Понемногу все возвращалось в прежнее русло. В левом углу кто-то травил байки, в правом кто-то потешался с очередной прислугой. А чуть впереди, возле трофеев, несколько посетителей что-то очень внимательно рассматривали, поминутно оборачиваясь и о чем-то переговаривая между собой. Протиснувшись вперед, юноша увидел местами порванное объявление с указанной внизу круглой суммой.

– Извините, вы случаем не знаете, что здесь написано? – не то, чтобы Лео не умел читать, но выдавать свои знания точно не стоило.

– Вознаграждение за поимку одаренных пятьдесят золотых. Черный рынок Цегина.

Хлопнула дверь. В помещение зашел новый посетитель, но Лео не обратил на него внимания. Он не верил собственным глазам. Он был слишком поглощен собственными мыслями, чтобы замечать такие мелочи. Неужели его глаза не

ошиблись? Тот парень и правда не лгал? Неужели те старики знали о его секрете и именно поэтому отправили сюда? Все было подстроено?

Ничего не сказав, юноша вернулся на свое место, чувствуя пристальные взгляды в спину. Ему стало не по себе. Пришлось купить ещё один завтрак и жевать, с трудом подавляя волнение.

После чего, вывалив на прилавок горсть мелких монет и сказав что-то очень невнятное, он поспешил покинуть таверну, а лучше и сам остров. Ему больше нельзя было оставаться здесь, иначе могло произойти нечто очень ужасное. Иначе... все могли узнать, что он один из *них*, тех, кто во всем видит лишь правду и может рассказать твою судьбу – самый настоящий *одаренный*.

Глава 3.

Вернес.

Материк Аделиада, Пепельная долина

28 ноября, 1317 год

Под землёй холодно и сыро. Миллионы крошечных песчинок врезаются в кожу. Вернес не знал сколько времени провёл в ловушке. Вокруг сплошная темнота. Как будто весь мир разом облёкся в дымовую черноту.

Духу не нравился этот неудобный, пустой сосуд, которым его одарили. Он много раз пытался оборвать с ним связь и

улететь далеко на север, где его окружали густые леса и высокие горы. Внутри тесно и тяжело, для каждого движение приходится напрягать мускулы. И никакой свободы – не взвиться ввысь, не побывать, где хочется.

Интересно, и почему он раньше никогда не покидал долину?

Для чего охранял весь этот пепел?

Ради... кого...

Семья...

Это из-за них он сохранил сознание, даже растворившись в пространстве. Пепельная долина держала дух Вернеса, потому что иначе его не станет. Вода продолжит испаряться и течь, бродить окрест туманами и проливаться дождём. Но Вернес забудет, кем он является на самом деле стоит ему только покинуть пределы.

Эта мысль здесь – в его духе. Так почему же сейчас он начал забывать об этом? Неужто всё из-за нового сосуда?

«Дыши!»

Тихое, словно шёпот, потаённое желание продолжало преследовать духа. Но тело не отвечало. Пустое и бесполезное, словно сброшенная змеёй кожица.

«Давай же!»

Вернеса передёрнуло. Он пытался изменить течение мыслей. Нельзя поддаваться слабине. Сознание, не живое и не мёртвое, напоминало лепесток, отделившейся от цветка и упавший в реку. Дух давно бы уплыл от берега и влился в

бурное течение, но держался на тоненькой паутинке из воспоминаний. Оборви её – и лепесток тотчас поддастся бурному течению воды, наполнится забвением и пойдёт ко дну.

«Бейся!»

Дёрнулась жилка на теле. Проступил пульс. Дух принимал новое тело с неохотой.

«Открой глаза!»

Слабое сердце отозвалось. Вернес бился о неподвижный сосуд, как мотылёк о каменную стену.

Бесполезно.

Нужно освободиться, как можно скорее, иначе от него прежнего совсем ничего не останется.

«Двигайся!»

Мысль пульсировала в висках. Дух готов был вопить. Нити, удерживающие его натянулись до предела. Всё было без толку. Тело уже успело привязать дух к себе. Не вырваться.

Мощная волна всколыхнула пространство, расчищая землю. Вернес поднял веки, захрипел и закашлял от забившегося в горле песка. Сердце колотилось бешено, словно пыталось отработать пропущенные удары.

Почти не чувствуя конечностей, юноша пополз к кромке воды, судорожно цепляясь за землю. Вокруг темно. Озноб и сильная дрожь. Во рту горечь. Но как не старайся тело ничего не ощущает. Боль, эмоции, тревоги – пепел вобрал в себя всё. Остатки слёз продолжали течь по холодным щекам и застывать на тонких ресницах. Такое, казалось, происходило с

ним впервые, но юноша не придал этому значения.

Мертвец жаждал мести. Ему захотелось вырваться за границы долины, ставшей вдруг такой чужой и похожей на удушливый кошмар, захотелось выяснить местонахождение своей Цели. И это новое тело приходилось весьма кстати. По ощущениям оно было большим и сильным, да и выглядело очень недурно. В мутном отражении на поверхности воды на Вернеса смотрел подросток с непослушными чёрными волосами. Левая половина лица была покрыта трещинами – видно пеплу не хватило влаги. Шею плотно прикрывал длинный тканевый платок. Одежда была простой и тёплой, ничего лишнего. Не хватало только обуви.

Отхлебнув немного холодной воды, Вернес наконец принял решение. Старая истина: отыщи у человека слабое место – и там тебя будет ждать ключ к успеху. Тут же ему на ум пришло соображение о том, что таковые места включают и печёнки некоторых монархов, куда легко входит нож. Да и за последствия можно было не беспокоиться.

Юноша тряхнул головой и попытался подняться на ноги. Но сил хватило только на небольшой рывок. Тело напоминало тяжёлый камень массой в несколько тонн, ноги не поддавались на уговоры и отказывались идти. Организм требовал отдыха и Вернес никак не мог этому воспрепятствовать. Мертвец зарылся в песок рядом с мелкими камнями, а голову прикрыл тряпицами и шарфом. Убежище так себе, но на большее в таком состоянии он был не способен. Сон запол-

нил каждую частичку тела и вскоре разом завладел разумом. Юноше ничего не оставалось, кроме как подчиниться

Глава 4.

Мейли.

Материк Таос, окраины города Коуки

4 сентября 1316 год

– Тысячу или около того... – еле шевеля губами, любила по своему обыкновению начинать длинные и монотонные монологи матушка – Где-то в далёких землях существовало место, покорившее сердца многих и многих людей. Название я уже и не припомню, но выглядело оно, словно бы сошло со страниц настоящей книги. Вот только...

Матушка прикусила губу. В последние годы её состояние заметно ухудшилось. Лицо приобрело заострённые черты, дыхание стало тяжёлым и прерывистым, появилась одышка. Её было почти не узнать. Болезнь медленно брала вверх, и женщина прекрасно осознавала это. Своей и до того долгой жизни она была обязана лишь дочери, её счастьем и отраде, что только-только достигла возраста семи лет. Прикованная к постели, она не часто бывала на улице, из-за чего весь её мир ограничивался одной маленькой комнаткой с кроватью, маленьким деревянным шкафчиком, прикроватной тумбочкой и столиком для письма. Только из рассказов юной непоседы матушка узнавала, насколько сильно всё вокруг поме-

нялось в её отсутствие. «Сошёл ли снег с гор? Распустились ли уже цветы? А в городе как? Изменилось ли что?» – нетерпеливо осведомлялась она каждый вечер, пока Мейли растапливала печь. И так из раза в раз, до той поры, пока голос окончательно её не покинет. А случится это уже должно быть очень и очень скоро...

Матушка затолкала ненужные размышления на дальние полки мозга. Она вполне отчётливо видела грядущее. Оно было испещрено ножевыми ранами и преследовало её вот уже на протяжении многих лет. Вопрос лишь в том, когда именно эта бессмысленная игра в «догонялки» подойдёт к своему завершению? Ибо, если открыть глаза на правду, холера – болезнь неизлечимая.

– И что потом?

– Вот, а потом... потом...

– Не тяни – матушка искоса бросила взгляд на кислую гримасу дочери. Два крошечных детских глаза уже долгое время поглядывали на неё не то с тревогой, не то с любопытством, ожидая продолжения сказочной истории.

– Мейли, дорогая...

– Нет, только не снова! – вскричал девочка – Ты ведь обещала, что сегодня уж точно расскажешь её до конца!

Матушка приподнялась с постели и ласково обняла дочь за плечи, трепетавшие под старыми тряпицами сорочки. Ей вовсе не хотелось огорчать её, но и продолжать она была не в силах. Тело чуть заметно потряхивало, во рту сухо и хочет-

ся пить, но, как на зло, горло словно сдавил огромный ком. Казалось, её вот-вот готово вывернуть наизнанку.

– Ну... – произнесла матушка голосом, в котором звучало отчаяние. – Кажется, меня снова поймали. Но, любовь моя, не ты ли говорила, что завтра, ещё до первых петухов, тебе нужно наведаться к господину Терри? Путь до его хижини отнюдь один не из самых близких, а дел у него, полагаю, и без тебя невпроворот. Человек он занятой. Уйдёт в лес и ищи его потом с концами. Так что, может лучше ляжешь, а история никуда не денется?

– А, ну да... – жалобно протянула Мейли.

Матушка, в душе которой, по-видимому, пустили первые всходы семена небольшой победы, медленно опустилась на мягкую перину. Мейли сокрушённо передёрнула плечами, но ответа так и не последовало. Время приближалось к полуночи. Через несколько минут на небе уже должна была появиться полная луна, на которой даже с земли видны странные рисунки, созданные рельефом ее поверхности. Кто-то видит там лицо человека, кто-то диковинных животных или еще что-то другое. Матушке это всегда казалось забавным.

За окном тихо завыл прохладный ветерок, легонько всколыхнув тонкую тюль. Сорвалась крыши и стая летучих мышей, что поселились здесь ещё около года назад. Мейли обнаружила её совершенно случайно, пока доставала с чердака старые семейные пожитки. В ту пору зима была особенно холодной, вот они, наверное, и решили на время укрыться в их

ветхом, как любила поговаривать матушка, жилище, да так и остались. Уж больно здесь уютно и тепло. К тому же сама хозяйка была не против, будь они хоть помойными крысами, лишь бы только не шумели. «Сон очень важен для человека. Не отдохнёшь и силы покинут тебя, а после – смерть» – невозмутимо отвечала та за ужином, глядя на часы.

Но, впрочем, размышляла матушка, жаловаться не было смысла. В конце концов идея перебраться как можно дальше от городского шума принадлежала именно ей. До леса здесь было рукой подать, вот и зверья водилось немерено. То ёж в сад забредёт, то лис к курам повадится – каждый найдёт себе дело по душе. И даже так, было в этом месте нечто такое, от чего на душе становилось спокойно и легко. Возможно дело было в воздухе, а может и обстановке – матушка не вдавалась в подробности. Она жила здесь и сейчас, наслаждаясь каждой секундой, коих осталось уже не так много.

– Полагаю, мы договорились? – наконец осведомилась хозяйка дома, заблаговременно выждав пару минут.

– А ведь... – тихо пробормотала непоседа. – Ты же специально кое о чём умалчиваешь. За всем этим просто кроется какая-то тайна, вот ты и не рассказываешь. Правильно? Я угадала?

– Но если мы даже и узнаем правду, то счастливее от этого не станем, верно? – резонно заметила та, но, чуть помешкав, добавила, – Сегодня, надеюсь, всё прошло без происшествий? Тебя никто не видел?

– Ни разу, – быстро заявила Мейли. – В городе до меня никому и дела нет. Эти пустоголовые тупицы даже не заметят, если...

– Мейли!

На одно короткое мгновение у леди Мишель перехватило дыхание – событие, выходящее за рамки обыденного. «Опять я сорвалась» – сокрушённо подумала она. Нервы, как уже давно заметила матушка, пошаливали у неё всякий раз, когда её покидала уверенность. Уж слишком сильно она переживала за дочь. Много лет уж как прошло, а тело всё ещё помнит. Кто знает в какой день и что придёт людям в голову сотворить с её семьёй, если правда вылезет наружу. Для матушки все они выглядели одинаково.

Мишель шумно вздохнула. Обстановка, в которой протекала беседа, тут же пережила существенное обновление. Атмосфера стала более спёртой, повисло напряжение.

– Солнце, мы ведь уже обсуждали это много раз, – начиная утомляться, объясняла матушка – Люди нас бояться.

– Но почему?

– Ну, в мире не всё так просто – мягко начала леди Мишель, – Помнишь, я рассказывала тебе? Когда-то давно...

Это была одна из тех немногих историй, что детям обычно рассказывают их родители лишь в самый последний момент их жизни. В таких, как правило, нет ничего волшебного или увлекательного. Все они похожи друг на друга, как две капли воды. Очередная нравоучительная сказка из прошлого. Кто

вообще станет такие слушать? Всем подавай лишь нечто весёлое, да с интересным сюжетом, чтоб запоминалось лучше. Никто ведь не любит правду. Никто... за исключением разве что одного единственного создания.

Мейли посчастливилось впервые услышать подобное ещё в возрасте пяти лет. Это была первая сказка, которую она смогла запомнить. Первая и самая любимая. Конечно, как и многие в её возрасте, понять об истинном значении слов матушки она не могла, но, наверное, оно было и к лучшему. Мир жесток.

– Мы и стали чужды обществу – в один голос с матерью закончила девочка. – Матушка, я слышала эту историю уж много раз, и знаю её конец. Но всё не могу понять. То, что сделали люди, это ведь неправильно, разве нет?

– Да, неправильно, – подтвердила матушка, – но так уж устроен мир. Добросовестные люди не хотят иметь дела с тем, чего не понимают. Для них мы монстры. И именно поэтому ты должна быть сильной. Даже если это и означает скрываться до скончания времён. Уяснила?

– Неужели слово и впрямь вещь такая могущественная?

– Именно так. Слово способно изменить этот мир – вот почему люди так его боятся. Поэтому пообещай, что никогда не воспользуешься этим даром!

– Хорошо, матушка...

Мишель удовлетворительно кивнула.

– А теперь тебе пора спать. Остальное обсудим завтра, ес-

ли хочешь. Обещаю.

Задержав взор на ещё одно мучительное мгновение, Мейли, ничего не говоря, заковыляла прочь из комнаты. Усталость сморила её и матушке оставалось взамен лишь проводить ту взглядом, пока маленькая фигурка окончательно не растворилась в дверном проёме.

– Пусть же она станет тем, кем сама пожелает, – шёпотом пробормотала она. – Это всё, о чём может мечтать человек.

Воцарилась тьма. Где-то стрекочут сверчки, шелестит ветерок между деревьями, играя листочками. Ночь нужна как природе для отдыха, так и человеку для сна. Ночью люди отдыхают, мозг их переваривает информацию, полученную за день. Все видят странные сны, путешествуют загадочными странами и землями, могут увидеть волшебных существ, научиться летать и дышать под водой. А на утро все снова оживает, начинает дышать полной грудью и жить полной жизнью.

Так наконец и матушка впала в мучительное забытие, на протяжении которого её взор постоянно тревожила одна бесплотная фигура. Черты её лица расплывчаты. Она стоит тихая и неподвижная. За спиной земля осыпается целыми пластами, до самого горизонта уже не осталось ничего, кроме безбрежной пустоши. Откуда-то вздымался чёрный дым. Его завитки обволакивают неподвижное тело матушки, закручиваясь вокруг шеи на манер скрюченных пальцев. Дым пахнет чем-то сладким, но в следующий миг в ноздри ударила

едкая вонь. А впереди та самая пустота, что была в начале, перед тем как на небе воссияла Кровавая луна.

Матушка вполне отчётливо видела грядущее. Оно наступило утром следующего дня.

Глава 5.

Лео.

Архипелаг Новый Усуи, о. Дион

23 ноября, 1317 год.

К вечеру затянувшие всё небо тучи неожиданно разошлись. По остывшей земле побежали длинные тени. Алый солнечный диск, точно на перину, прилёг у горизонта на лёгкие облака. Наступал тот час, когда день ещё не до конца сменяется сумерками, но очертания предметов уже приобрели необъяснимую, таинственную расплывчатость.

Совсем недавно убранные пристани заполнились шумным людом. После длительного дня все спешили как можно скорее попасть домой. Разгружая битком набитые рыбой старые деревянные лодчонки, местные, казалось, и вовсе не задумывались о том, что делают. Затеряться в такой суматохе очень легко – идеальное время для карманников, простор для нарушителей закона. Однако, от чего-то Лео медлил. Уж как несколько часов кряду он то уходил, то вновь возвращался в своё маленькое укрытие, где, по его мнению, удобнее всего можно было наблюдать за меняющейся вокруг

обстановкой. Всё казалось ему таким пугающим и полным ужасов, будто сделай он хоть шаг и тьма тут же поглотит его, не оставив ни кусочка.

Караульщик на вышке обернулся, внезапно заметив лёгкое шебуршание в глубине одного из переулков. Волосы у юноши встали дыбом. Его охватил леденящий сердцу ужас, голос пресёкся, крик умер на губах. Наблюдатель сделал шаг вперёд. Лео попятился. В тени домов проще затеряться, но солнце ещё недостаточно село для полной темноты. Никогда ещё он так не боялся за собственную жизнь, будто бы одного взгляда достаточно, чтобы раскрыть его секрет.

Но Лео не виноват, что родился таким. Была бы возможность, он сразу же избавился о этого чертова дара. Почему люди должны презирать его? Почему он всю свою жизнь должен скрываться и прятаться в трущобах, если хочет творить и прогреметь на весь мир, как лучший музыкант? "Так мы искупаем свою вину" – говорила ему матушка, но Лео не желал слушать. Он ненавидел себя, ненавидел этот мир за то, что сделал его таким. Потому в итоге и сбежал из дома, наплевав на все предостережения. Лео полагал, что поступает правильно, делает тем самым лучше для себя, идя навстречу своей мечте. Но все обернулось иначе.

Последние несколько месяцев выдались наиболее тяжкими. Юноша прозябал в бедности, если ещё даже не за её чертой, побираясь на улочках в поисках чего съестного, прося подати. Иногда, когда удавалось наскрести пару тройку мед-

ных или серебряных монет, Лео шёл в ближайшую таверну, где либо сразу пропивал все своё состояние, либо подсаживался за столик к таким же скитальцам, как и он. Те в свою очередь всегда кормили его, если не едой, то новыми историями о дальних странствиях: новых приморских городах, глубоких расщелинах с богатыми тайниками полными золота или кровожадных народах, потерявших всякую человечность. Не все из них были правдой. Дар не позволял юноше обманывать себя, однако он все равно слушал их с упоением, изредка поглядывая на пустующую сцену для забегающих день ото дня артистов. Некоторые частенько, останавливаясь в городе по несколько дней, оставляли свои инструменты прямо в таверне, не опасаясь за их безопасность. В эти редкие дни Лео удавалось немного испытать себя, подзаработав и показать всем на что он способен. Играл он, конечно, паршиво, но для таких заведений и это могло сойти за музыку. Денег на свой инструмент у него не было, поэтому и тренироваться он не мог, лишь слушать

Так, однажды, плывя кораблём из порта Мелы до ближайших островов, Лео, прогуливаясь по палубе, по счастливой случайности познакомился с одним уже довольно пожилым человеком, практиковавшим игру на виоле. Инструмент, как ещё тогда отметил юноша, был выполнен из прочной тёмной древесины хорошего качества, а резьба на завитке была просто искусной и напоминала по своим очертаниям голову женщины, возможно одной из богинь. Также узор присут-

ствовал и по всему периметру грифа, продолжаясь на струнодержателе. Струны же были натянуты немного не аккуратно, лады со временем тоже чуть-чуть подстерлись, но все равно были хорошо видны. "Да это же самое настоящее сокровище!" – подумал Лео, издав далеко наблюдая за этой картиной и выискивая смычок. Ведь он просто обязан был быть. На подобном инструменте по-другому и не сыграешь – он слишком большой.

Старец поднял глаза, сощурившись от яркого света, и улыбнулся. Взгляд его был затуманен. Он ничего не выражал: ни счастья, ни грусти, ни безмерной тоски, ни злости, словно и вовсе мертвый. Он сидел у самого края палубы прямо на мокром от брызг полу. Одежды его были изорваны и весели, как простые тряпки, на его исхудавшем теле, ноги босы, волос и того почти не было. Руки его были костлявыми и все в мозолях, на лбу проступали морщины. Никто из пассажиров не замечал его. Все были заняты собственными делами: кто-то прогуливался по палубе, смотря целыми днями на неменяющееся море – в основном это занятие было присуще молодым дамам – матросы перетаскивали бочки в трюмы, мужчины играли на деньги в карты, торговцы, везшие шёлк, старались завербовать как можно больше клиентов, дети играли и носились. Среди всего этого шума старик просто терялся, он не был частью этого мира, а мир в ответ не признавал и его.

От чего-то в тот момент в груди Лео будто что-то екнут

ло. Он ещё долго смотрел на старика, пропуская мимо себя людей. Рисунок на его левой руке начал щипать, мысли смешались, а он и не обратил на это внимание. Словно замороженный, он продолжал смотреть на него, пока на корабле не объявили полдник. Но даже тогда незнакомец не сдвинулся с места, лишь перевёл взгляд куда-то вдаль, подтянул поближе своё сокровище и закрыл глаза.

Кормили здесь не сказать, что вкусно, но зато съедобно. Полдник скорее напоминал сухпак, нежели полноценный ужин или обед, поэтому, выхватив свою порцию, Лео поспешил обратно. По дороге он успел съесть два маленьких яблока и запить всё это прохладной водой. Сев на этот корабль около двух дней назад, он все еще не мог поверить в своё счастье. И как ему только хватило денег на всё это удовольствие? Спал он, конечно, в общей комнате на некоем подобии гамака, а не в отдельной каюте, но в остальном проблем не было, кроме разве что морской болезни. Она всегда сначала помучает первые несколько дней, а потом как ни в чем не бывало отпустит. К этому он уже давно привык.

Когда юноша вернулся на палубу, старик всё еще сидел там, не движимый. Словно почувствовав чьё-то присутствие, он открыл глаза. На огромной палубе остались только они вдвоём, не считая парочки матросов, мирно покуривавших себе в стороне. Тогда, нехотя оторвав правую руку от виолы, старец подозвал Лео себе. Вблизи он казался совсем другим. Улыбка стала шире, выставляя на показ несколько зог-

лотых зубов, а голова резко откинулась назад, чтобы суметь как следует рассмотреть любопытного гостя.

– Видать... понравилась она тебе, да? – прохрипел мужчина, опуская взгляд – Мне вот тоже она... нравится. Такая красивая, скажи? А?

– Кто она? – Лео выгнул бровь.

– Ну как же! Джованна, кто же ещё? Моя милая Джованна...

Старик легким движением руки коснулся тугих струн, издав короткий, скрипучий звук. Юноша поморщился. Без смычка этот инструмент не мог звучать должным образом, однако Лео по-прежнему его не видел. Вещица эта была небольшая, по своему строению скорее напоминала обычную палку, на которую разве что был натянута ещё и конский волос. Самому такое не сделать, поэтому и брали втридорога.

Присев рядом, юноша пошарил в карманах своей накидки и протянул мужчине ещё одно яблоко. Они просидели так некоторое время. Лео не переставал удивляться чужаковости этого человека. Выяснилось, что старик этот путешествует совсем без денег, а на корабль его взял приятель по старой дружбе, поэтому он и не ходит вместе с остальными пассажирами за едой, проводя всё свободное время на палубе, любясь рассветами и закатами, а ночью – звёздами. По его словам, их бесчисленное множество, а некоторые из них даже образуют определённые формы. Например: лебедь, чело-

век, что несёт в руках змея, дракон, кит. Удивительно было то, что дар Лео так ни разу и не остановил его, будто бы это и правда существовал.

Самого его звали Джанни. Направлялся он в небольшой городок под названием Симбуэ. Корабль, на котором они плыли, шёл лишь до порта в Гелье, расположенном на материке Люната – там он делал небольшую остановку – потому дальше его путь лежал пешком через равнины. Это был родной город его жены. Вот уже много лет прошло с тех пор, как она скончалась от неизвестной болезни. "Раньше, помню, я каждый день наигрывал ей любимые мелодии, а она подыгрывала мне на своей маленькой флейте. Такая она смешная была! Такая прекрасная! Ничего не трогало так моё сердце, как её тонкий, озорной звук. Её игра...нет, она сама была бесподобна!" – вспоминал Джанни. Они были так счастливы.

Но он был молод, хотел перемен, мечтал сделать её жизнь ещё лучше, чтобы она никогда не знала печали. Джанни пообещал, что вернется к ней. Вернётся, как только всё закончится. Он и не думал, что может опоздать. Не думал, что больше никогда её не увидит.

– А как звали вашу жену? – с осторожностью подал голос Лео.

– Джованна! Ты что это, совсем меня не слушал? Вот же она! – с этими словами он протянул юноше свой инструмент, – Не бойся, возьми. Она не обидится, ведь так, дорогая?

Его смех показался юноше намного ужаснее, чем голос. С онемением он продолжал смотреть на протянутую виолу, не решаясь взять её в руки. Это была самая настоящая иллюзия, созданная Джанни. Это было неправильно. Но Лео не мог сказать ему об этом. Потому что это тоже было бы неправильно.

– А где же смычок?

– Смычок? Какой ещё смычок? – казалось, вопрос юноши застал его врасплох – А, ты о той бесполезной штуковине? Я не использую его. Руки, мой мальчик! Руки!

Джанни водрузил виолу себе на колени, левой рукой зажал несколько струн, а другой начал перебирать те, что были пониже. Звук выходил не такой, как обычно, но тем он и притягивал к себе. Он был особенным, не похожим ни на один другой. Старик с искусным мастерством менял аккорды, брал их то ниже, то выше. Лео не мог поверить, что такое возможно, словно волшебство. Звук лился и лился, достигая ушей каждого на этом корабле, перемешивался с волнами за бортом и приручал их. Он был пронзительным, словно стрела, и чистым, как первый снег. Мелодия менялась, становясь тише и одновременно с этим громче, будто бы гром внезапно нагрянул в эти края. Даже чайки на миг замирали в своём полёте, прислушиваясь, а солнце не спешило прятаться за облака, освещая Джанни, словно благословляя его игру.

Кристалльно чистая душа

*Без злого умысла,
без гнева,
Лишь флейта навсегда твоя
И тьма, что всех ночей чернее.
Кристалльно чистые глаза
Как и душа, любить
умеют,
Но песня струн,
что вновь одна -
Без флейты смысла не имеет...*

Мелодия оборвалась. По щекам Джанни не текли слёзы. Нет. Он лишь продолжал смотреть вверх, в небо, что было яснее, чем обычно. Его глаза наполнились непонятной юноше пустотой. Что-то оборвалось. Через несколько минут старик опустил руки и его любимая Джованна с треском ударилась об палубу.

– Скажи-ка мне, мальчик, что ты сейчас видишь перед собой? Что ты видишь во взоре моём? В моём бледно-мерцающем взоре?

Лео не сразу нашёл, что ответить. Человека будто подменили. Он больше не видел в нём того старика, с которым разговаривал всего несколько минут назад. Перед ним сидел совершенно незнакомый человек. Юноша огляделся по сторонам в поисках ответа, но вокруг было лишь море, бесконечное ледяное море с его редкими бьющимися о борт волнами.

– В нём...я вижу глубокое море, а в нём большой потонувший корабль.

Джанни молчал. Его взгляд переместился вниз, остановившись на собеседнике. Только сейчас юноша смог разглядеть черноту его глаз. Ему вовсе не показалось, в них и правда будто больше не проникал свет – слишком далеко.

– Значит вон оно как... – выдохнул Джанни, – Тогда, что же ты здесь забыл, мальчик?

– Я хочу увидеть мир, хочу испытать себя. Я хочу всё изменить.

– Изменить? Всё? Ты это что ли...мир изменить вздумал?

Громкий рокот смеха пробежался по всему кораблю. Теперь же Джанни задыхался. Его лицо, его голос, его смех – всё это лишь вызывало отвращение. Лео не понимал, что его так насмешило, не понимал, за что сейчас ему было стыдно. Ведь это чистая *правда*.

– Почему вы смеётесь надо мной?

– О нет, мальчик мой, я это не над тобой смеюсь, а над собой, – переведя дыхание, сказал Джанни – Я увидел правду в твоих глазах. И я благодарен тебе за это, ведь сам не способен на такое. Поэтому тоже хочу дать тебе совет. Забудь ты об этих путешествиях.

– Позвольте, но Вы ничего не знаете обо мне, чтобы говорить подобное. Вы ничего не знаете о *нас*.

– Дело твоё, но так ты лишь погубишь себя...

– Хватит! – глаза юноши заполонила ярость. Лео поднялся

с места. Он не желал больше этого слушать – Я не такой как Вы!

– О, милый мой, да ты врёшь сам себе...

Но Лео уже не слушал его. Он шёл в общую комнату, чтобы как можно скорее предаться сну. «Этот старик просто сумасшедший, откуда ему знать, что у меня на уме?» – думал он. Однако отчего-то эта фраза никак не выходила у него из головы. Даже сейчас, находясь на волосок от смерти, юноша почему-то вспомнил того старика, его улыбку и тусклые глаза. После того происшествия они больше не разговаривали. Лео лишь изредка видел, как тот всё продолжает сидеть на своём привычном местечке, прикрыв маленькие глаза и облокотившись на перила. Как же он был одинок.

Юноша помотал головой. Это не могло быть правдой. Его дар ошибся. Точка.

Караульщик сменил положение, развернувшись к беглецу спиной. Уловив момент, Лео дернулся, но вдруг из-за угла послышались чьи-то голоса. Кто-то собирался заворачивать в переулок. По спине пробежал холодок. От всей былой смелости не осталось и следа. В один день всё его путешествие может подойти к концу. "Ты погубишь себя" – пронеслось у него в голове.

Лео бросился бежать. Не разбирая дороги, он сворачивал сначала в один переулок, затем в другой, петляя, запутываясь все больше и больше. Казалось, одни дома напоминали другие, всё вокруг было похоже друг на друга. Расстоя-

ние становилось длиннее, всё проносилось, как мимолётная вспышка. Лео потерял бдительность, он действовал очень опрометчиво. На очередном повороте он столкнулся с группой людей. Их образы были призрачны, голова начинала кружиться от подступающей паники, с уст слетел крик.

Он врезался в них на полной скорости и потерял равновесие. Молодой парнишка, стоящий впереди, рухнул вместе с ним, подняв клубы песка. Послышались крики. Юноша быстро вскочил и побежал дальше, еле переставляя ноги. Кажется, он заработал себе рану, но это ничего. Ему чудилось, что его преследуют, что кто-то неизменно идёт на ним по пятам, следит за каждым его шагом. "Нужно бежать! Скорее! Как можно дальше отсюда"! – гремел он.

Из-за угла показалась чья-то рука. На момент, когда Лео приблизится к ней в плотную, она была ему уже где-то по грудь. Мертвой хваткой она схватила его за плащ и повалила на землю. Всё произошло в мгновение ока, так быстро, что юноша просто не успел среагировать. Мир перевернулся, а на его месте появилась женская фигура. Кудрявые волосы, переваливаясь через узкие плечи, спадали вниз, отдавая знакомым запахом цветов. Дикарка. Теперь Лео мог как следует рассмотреть её. У девушки была смуглая кожа, с россыпью веснушек около глаз и носа. Глаза наполнял глубокий синий цвет моря во время шторма. Их взгляд пронзал и пленял одновременно. Казалось, что в них можно было утонуть, ровно как и в глазах того старца. На шее был завязан кожаный ре-

мень в два оборота, со временем посеревшая блуза неуклюже выпирала из-под ремня на поясе, к которому крепилась тонкая леска, а её верхние пуговицы были и вовсе оторваны. При наклоне ткань сильно отходила от кожи, открывая её. Лео залился краской. Послышался звон. Девушка плотно зажала его рот рукой и кротко кивнула куда-то в сторону. После чего она поднялась с колен и медленно зашагала по переулку, из которого недавно выпрыгнула.

Они шли молча несколько минут. Лео прислушивался к каждому шороху, вглядывался в каждую деталь, чтобы как можно лучше запомнить дорогу. Он не доверял ей, хоть всё равно и шёл следом. Что-то подсказывало ему, что это было необходимо. По крайней мере он старался убедит себя в этом.

– Да не бойся ты так, не убью я тебя – проворковала дикарка, наконец остановившись, и обернулась, обнажив руку в районе плеча – Видишь?

Тёмный замысловатый узор тоненькими, ветвистыми линиями обрамлял её левое предплечье, вырисовывая большую букву «П». Она была такой же. Это девушка была такой же, как и он! Ещё ни разу за всё своё путешествие Лео не встречал одарённых – она стала первой.

Но этот город, всё это место пропитано злом. Одарённым здесь не место. Их двоих запросто могут поймать и убить, да ещё в придачу и кучу золота получить. Не смотря на все эти пристани, лодки и горы рыбы, что грудились неподалё-

ку, казалось, поимка и продажа подобных им была главной и, пожалуй, единственной задачей этого города. Цегин был сердцем работоторговли. Так почему эта девушка до сих пор была здесь?

– Кто ты такая? И как ты...

– Нашла тебя? – дикарка подпрыгнула на месте, – Это было не сложно. Ты слишком приметен. И как тебя только не поймали ещё. А звать меня Кассандра.

– Лео... – юноша ссутулился. Неужели он действительно был так неосторожен?

Лео воззрился на свою руку. Снова ничего. Почему она никак не реагирует? Получается это тоже правда? Эта девчонка и правда нашла его в два счёта? Бессмыслица какая-то. По пути сюда он ведь всё хорошо просчитал: и место, и время. Если бы только не те люди, он бы был уже у своей маленькой лодчонки.

– Наверное, тебя многое интересует, но сейчас не самое подходящее время. Обсудим всё, как доберемся до места. Согласен? – вторила дикарка.

Её голос напоминал по своей звонкости пение птиц. Он сливался с порывами ветра и становился с ними одним целым. Она выделялась на фоне прочих. Кассандра не была похожа на остальных жителей этого города. Её яркий образ сразу бросался в глаза, и уже никогда его невозможно было забыть. От неё веяло домом, тем, что Лео так упорно старался забыть. Но вот теперь он снова там, снова у себя в долине,

окружённой вокруг длинной горной процессией. Юноша не любил это место – даже ненавидел – но почему-то от одного только запаха он готов был вернуться. От одного только запаха наворачиваются слёзы. Его матушка, как она там без него? Сердится ли или печалится?

В попытке остановить себя Лео схватился за край ткани, частично прикрывавшей его грудь. Этот плащ имел не самый лучший вид, но прошёл с юношей уже не мало испытаний. Он был для него сродни верному другу или товарищу.

– Так ты идёшь? – спросила незнакомка.

– Это место, в которое ты меня ведёшь, оно безопасно?

Каждое слово давалось с трудом. Юноша искоса взглянул на дикарку, рука напряглась. Это был единственный шанс узнать может ли он ей доверять. В такие моменты его дар оказывался даже более чем полезен. Но девушка молчала. Улыбка спала с её лица, а взгляд стал серьёзен. Словно застывшая глыба льда, она замерла, застыла навеки. Молчание затянулось.

Лео попятился. Кассандра была такой же, как и он, поэтому знала обо всех гранях проклятия. Если соврёт, он узнает об этом. Если попытается уйти от ответа, его дар обожжет ему руку. Поэтому он задал ей тот вопрос, поэтому он проверяет её. Юноша не был глупцом. Но что-то настораживало его ещё больше, чем повисшая тишина. Её глаза, глаза цвета бескрайнего синего моря – *они смотрели не на него.*

Глава 6.

Кай.

Материк Аделиана, деревня Борнигор

6 сентября 1317 год

Дождь мерно стучал по ставням. Редкие прохожие кутались в плащи. Молнии, редко прорезающие темное небо, сверкали совсем рядом, иногда прямо над домами деревни. В небольшом трактире было необычайно шумно, и многие сидящие здесь люди только скинули мокрые плащи. Несколько разносчиков ловко лавировали между столами разнося пиво и закуски. Среди посетителей выделялась группа мужчин. Они были в одинаковых куртках, и в отличие от всех остальных посетителей, совершенно не интересовались пищей. Каждый из них внимательно высматривали кого-то в толпе. Вдруг, как по команде, весь странный отряд встал и вышли из трактира. Утром все они висели на стене замка местного барона.

* * *

7 сентября 1317 год

По лесу шёл молодой мужчина в потертom зеленом плаще. Он шёл, постоянно меняя направление движения, напоминая этим грозных морских хищников.

Он лихо перескакивал через поваленные деревья, а его

пружинистые шаги выдавали в нём опытного воина, ветерана многих походов. Мужчина внимательно осматривал каждую пядь земли под ногами, изредка собирая какие-то грибы или растения. Большую часть их он продаст, но некоторые особые экземпляры пополнят его запасы лекарственных препаратов.

Такие прогулки по лесу иногда затягивались на несколько дней, чему сам собиратель был несказанно рад. Лучше уж бродить по лесу, чем находиться в обществе людей. Но этой прогулке было не суждено продолжаться.

Очередной раз сделав плавную дугу, травник наткнулся на лежащую на дерне девушку. Из спины у неё торчала стрела, а одежда в нескольких местах была разорвана. Припав к земле, ветеран стал прислушиваться и вспоминать, слышал ли он звук спущенной тетивы или падения тела. Вскоре пришел к выводу что девушка была ранена давно и скорее всего сюда добралась уже раненной, если не мертвой. Встав с земли и быстро приблизившись к телу, мужчина быстро осмотрел окрестности и осторожно подняв едва живую девушку, отправился к своей небольшой избушке. Он уже много лет жил один, после смерти его жены от болезни. И хотя в деревне его уважали и принимали тепло, безутешный вдовец предпочитал не контактировать с людьми без веской причины для этого. Единственными живыми существами, с которыми он находился с удовольствием, были его пес и охотничий сокол.

Принеся девушку, он уложил её на широкую лавку, подстелив слой сена и накрыв это все чистой тканью. После чего скрылся в небольшой пристройке. Из неё стал доноситься легкий стук каменных инструментов, шелест сушеных трав и запах дыма с примесью мяты. Закончив варить лекарственные травы, мужчина вернулся в комнату, и осторожно выдернул стрелу из плеча девушки, затем промыл рану отваром и перевязал куском ткани. После чего оставил больную залечивать раны, больше не прикасаясь у ней, хотя часто поглядывал в её сторону. К вечеру девушка начала приходить в сознание и пытаться встать.

Продолжение следует...

Глава 7.

Мейли.

Материк Таос, окраины города Коуки

5 сентября 1316 год

Первые лучи тусклого солнца пробивались сквозь плотные занавески в главной зале. Для начала осени было непривычно прохладно и свежо. Легкий ветерок проникал в дом через старые, почти прогнившие, половицы и трещины в стенах и расстилался тонким слоем по всему пространству комнаты.

Мейли хлопотала у печи. Нужно было как можно скорее

все закончить и отправлять в лес к старику Терри. Дорога не близкая, а матушка ещё даже не проснулась. Эта мысль накрепко засела у Мейли в голове. Дни, когда её мама так крепко спала, можно было сосчитать по пальцам. Болезнь измучила и ослабила её тело. Она не могла ни то, что поест, но даже стоять самостоятельно. Каждый день она проводила в собственной комнате, не видя дальше четырёх стен. Хотя, нет, была одна деталь, которая, наверное, помогала ей окончательно не сойти с ума. Окно, вид которого открывался на высокие горы и простирающийся внизу лес. Она всегда видела перед собой только эти горы: высокие, крутые заснеженные скалы, круглый год покрытые белыми шапками. Сколько бы времени не прошло, пейзаж вокруг не менялся. Только сама она сама изменилась. Милая молодая девушка с прекрасными зелёными, как изумруды, глазами, темными шелковистыми волосами, прекрасной и светлой улыбкой, нежной кожей – так раньше выглядела матушка.

Сегодня в их распоряжении были свежие яйца, пара тройка душистых трав и совсем немного кроличьего мяса. Мейли уходила на весь день, поэтому позавтракать надо было сытно. По такому случаю можно и расстараться. «Ещё нужно не забыть оставить пару кусочков мяса для летучих мышей. У них совсем недавно родились новые малютки – Рики и Кики. Еды на всех, наверное, и не хватает» – думала Мейли, насвистывая себе под нос.

Поставив горшок в разогретую печь, девчушка вытерла

руки и, прихватив с собой небольшой кувшинчик, отправилась за водой. Здесь неподалёку текла небольшая речушка, вода в ней правда была не самой чистой, но для питья годилась. Идти было недалеко: всего пару минут, а небольшими подскоками – так обычно передвигалась Мейли – и того меньше. Добравшись до места, она присела на корточки у самой кромки. Вода весело журчала, сталкиваясь с камнями и маленькими корягами, застрявшими в земле. Настроение вторило бурному потоку. Мейли взгляделась в своё отражение. Кожа у неё отдавала хорошим загаром. Было видно, что она много времени проводит на солнце. «Это хорошо» – подумала она, – «Так и шрамов вовсе не видно».

Мейли очень часто падала, когда была ещё малюткой. В то время матушке приходилось ой как не сладко. За таким озорным ребёнком нужен был глаз да глаз. Но Мейли это вовсе не мешало находить новые приключения. Сейчас же она много времени проводила на свежем воздухе: работала в саду, охотилась на мелких зверушек, хлопотала по дому. Скучать не приходилось. Вот и времени на уход и не было. Ногти почернели от грязи, одежда вся перепачкалась. Не успела она достать новые осенние обноски, как тут же свалилась кубарем в овраг, загоняя очередного зверя. Волосы превратились в сено. Даже, если раньше они и были цвета самого солнца, то сейчас уже почти выгорели. Лето в этом году выдалось очень жаркое.

Отражение не совпадало с надеждами и мечтаниями. Но

Мейли не жаловалась. У неё было всё, что нужно. И забота о больной матушке вовсе не отягощала её. Многие дети, которых она встречала на улицах города, нет да скажут что о своих «непутёвых» родителях. Таких Мейли обходила стороной. У неё не было друзей, да и она в них не нуждалась. Она жила сама по себе и была этим вполне довольна.

Взгляд, следуя за мыслями, переместился на город. До него было далеко. С такого расстояния видны разве что маленькие башенки дозорных на высокой городской стене и тоненькие шпили церквей. Матушка не разрешала заходить туда, но девчужке всё было интересно. Ей было интересно, как живет простой люд, что он делает и чем промышляет. Она не была такой, как они. Ей дали понять это ещё в самом детстве, но Мейли не могла противиться своим желаниям. Ей хотелось на волю.

Шелестя подолом длинной юбки, девчужка на радостях побежала домой. Матушка уже ждала её. Только недавно продрал глаза, она сидела на своём привычном месте и мирно потягивалась, прикрыв рукой рот. Круги под глазами стали меньше, а кожа приобрела более светлый оттенок. Словно бы болезнь наконец отступила. Она взглянула на дочь и как обычно улыбнулась, пожелав доброго утра. Леди Мишель расцвела.

– Я дома! – громко крикнула Мейли, захлопнув дверь, – Еда скоро будет готова, матушка. Я принесу её тебе.

Ответом ей стало просто спасибо и шелест одеял. Девчуж-

ка поспешила к печи. Мясу оставалось совсем немного до полной готовности. Порезанная сверху картошка, была как никогда кстати. Так блюдо будет сытнее и питательнее. Перелив воду из кувшина в умывальник, Мейли поднесла его к Мишель. Далее нужно было позаботиться о тарелках и кружках. На небольшой тумбе около печи они стояли в ряд. Столовые приборы лежали рядом. Выполнены они были из дерева, когда-то давно они сами их вырезали из мелких сучков. Накрыв на стол ровно для одной персоны, девчушка поставила остальную посуду на поднос и отнесла его матушке. От жаркого шёл приятный аромат и легкий дымок. Оно было безумно горячим.

Быстро прикончив кролика, Мейли заторопилась к выходу. Юбку она заменила рваными штанами, а волосы прибрала в небольшой хвост. Сверху надлежало накинуть ещё теплую куртку или хотя бы кофту, но и то и другое лишь замедлило бы её движения. Сейчас было не так холодно, поэтому можно обойтись пока и без этого. Охотничий лук стоял в сторонке возле двери, колчан валялся рядом. На древке выступала умелая резьба, складывавшаяся в красивый узор. Это был её любимый лук. С ним она никогда не промахивалась – стрела всегда находила свою мишень. Мейли сделала его сама, поэтому очень сильно гордилась им.

У самого порога её окликнула матушка. Подпрыгивая на одной ноге, Мейли заглянула к ней впопыхах, продолжая шнуровать массивную обувь. Рядом с постелью стоял поднос

с пустыми тарелками. Мишель немного подкашливала, но в остальном её состояние подавало надежды. Она сидела, выпрямившись во весь рост, и что-то медленно вертела в руках. Оторвавшись, она взглянула на свою дочь, в глазах промелькнула печаль. Лёгким взмахом руки она подозвала её к себе. Волосы неуклюже спадали на лоб, мешая глазам, они были слишком длинные – нужно бы подстричь.

Девчушка приблизилась. Взгляд невольно скользнул по исхудавшим рукам матери. Сквозь бледную кожу проглядывали косточки фаланг пальцев, на изгибах проскакивали морщины. Мишель приподняла руку и разжала ладонь. В центре лежал небольшой медальон овальной формы. Он был выполнен из металла, а по краям украшен маленькими камушками, названий которых Мейли не знала. Они сияли, словно звезды на ночном небе. Сбоку виднелся небольшой зазор. Матушка подцепила его ногтем и приподняла крышку. Медальон раскрылся, подобно цветку. Внутри были красиво встроены две фотографии. На первой была изображена её матушка вместе с незнакомым ей прежде мужчиной. Наверное, это был отец – он покинул семью, когда та была маленькой. Мейли не помнила ни его лица, ни голоса. На фото у него были такие же светлые волосы, как и у неё, нос горбинкой, около глаза виднелась родинка. Матушка тоже выглядела молодо. Кожа была белой, как снег, а волосы красиво уложены. Одежды и вовсе приводили в восторг, совсем как у знати. Неужели их семья когда-то могла позволить се-

бе такую роскошь? Дама восседала на стуле, чинно сложив руки на коленях, а молодой парень стоял рядом, уперевшись рукой на спинку стула – всё как положено. Оба выглядели величественно и строго, но в тоже время кроткая улыбка её матери излучала тепло.

На второй фотографии был изображен маленький мальчик лет четырех. На нём была беленькая кофточка с морским рисунком и такие же синие шортики. В руках он держал медведя с завязанным вокруг шеи красным бантом. Одного глаза-пуговицы у него не было, а на лапе виднелся заметный шов от иглы. «А вот это уже, наверное, братец. Такой смешной!» – девчушка воззрилась на мать. Та лишь промолчала. Ей был понятен немой вопрос дочери. «А я?» – вопрошали её глаза, – «А как же я?».

– Живая ты намного лучше этой старой картины – прошептала Мишель, потрепав дочь по голове.

Мейли кротко кинула и потупила взгляд. Теперь только она одна осталась у матушки. Лишь она единственная продолжает защищать её и заботиться, как не смогли сделать этого ни брат, ни её отец. Раньше, возможно, они и жили в роскошном особняке с пригоршней слуг и не знали бедности, но времена меняются. Мейли не знает иной жизни, кроме этой. Однако, где же те, кто раньше поддерживал её матушку? Что же случилось с её семьёй? Для маленького ребенка это кажется естественным – помогать друг другу, но во взрослой жизни всё обстоит иначе. Положение в обществе

имеет очень высокую цену. Никто не будет помогать тебе, если это не выгодно. В высшем обществе правят деньги, и если у тебя их нет, то ты ему больше не интересен.

– Скажи, мам, а вы...любили друг друга?

Мишель перевела взгляд. Вопрос не застал её врасплох, но стал большой неожиданностью. Она замялась, подбирая слова, вспоминая обрывки своей прошлой жизни. Все горести, что взрастили её, все счастье, что помогло встать на ноги. Матушка словно заново собирала большой пазл, который уже несколько лет валялся в пыльной коробке глубоко под кроватью.

– Да, я любила его всем сердцем, – молвила она – Так же, как и тебя. Ведь, если девушка всерьёз влюбилась, это чувство так просто не пройдет. Это я точно знаю, знаю по себе. Мы встретились с твоим отцом, когда я была ещё юной и только начинала выходить в высший свет. Как сейчас помню, он подошёл и спросил не желаю ли я потанцевать с ним. А я знала, знала, что он подойдет ко мне. И все равно удивилась. Представляешь? Настолько я не верила в свою судьбу.

– А он? Он знал об этом? Он тоже любил тебя? – Мейли немного замялась, нервно перебирая ногами, – А меня? Меня он бы тоже любил?

– Ну конечно же, милая – слова резали, точно клинок, – Ты очень похожа на него, знаешь? Он оставался озорным шутником даже, когда вырос и получил новый титул. Все время вляпывался в разные переделки, да и с братом твоим

не забывал играть. Слуги вечно искали их где только не попадая. И только я знала об этом секретном месте. Оно, помню, находилось в саду, в лабиринте. Они проделали в стене небольшой ход, а после сделали из этого нечто на подобии убежища. Отец ваш был тем ещё пройдохой!

При разговоре с её лица не сходила улыбка. Мишель нравилось то время, а её дочке – рассказы. Она всегда с удовольствием слушала их, смеялась, а иногда даже плакала. То время, о котором всегда говорила матушка, представлялось ей настоящей сказкой. Мейли было непонятно его устройство, хотя и выяснять это она особо не хотела.

– Кайен, так его звали, всегда был рядом со мной. Он стал для меня настоящей опорой. Наверное, без него я бы не выжила тогда. Мне жаль, что вам пришлось расстаться так рано. Но будь уверена, он любил тебя.

– То есть...он знал меня!?

– Конечно же, солнце. Но ты была слишком маленькой, чтобы запомнить это, всего 4 годика.

– Но, мам, что с вами стало? – не унималась Мейли. Она впервые слушала о своём отце, о своей настоящей семье. Ей хотелось урвать каждую крупинку, узнать всё, что происходило, воссоздать образ.

– Нам пришлось попрощаться, – рука невольно сжала кусок одеяла – И поэтому возьми этот кулон, милая. Я хочу, чтобы теперь он был у тебя. Так мы всегда будем рядом, даже, когда ты на охоте. – Мишель взглянула на дочь и провела

рукой по щеке, поглаживая её – Удовлетишь ли ты мою просьбу?

Девчужке были ещё не до конца понятны намерения матери, но разум подсказывал, что она не может отказать. Не в этот раз. Разговор был окончен и Мейли покорно развернулась и убрала волосы в сторону, открывая шею. Она была такой тонкой, такой хрупкой, с нетронутой, ещё не огрубевшей кожей. Матушка подалась вперед, одеяла под ней зашуршали. Легким движением руки она обвила цепочку вокруг дочери и защелкнула замок. Вещица выглядела дорогой, но просто прекрасно смотрелась на девочке. Мишель просияла, но в то же время её глаза заполонила безмерная тоска, будто бы от души только что оторвали самый важный кусок. Изумруд во взгляде уже давно потерял свою яркость, но сейчас казался ещё тусклее. Он смотрел куда-то вдаль, словно не замечая рядом маленькой девочки. Матушка что-то высматривала, какую-то очередную картину, видимую только ей одной. Она поморщилась и вновь обратилась к дочери. Та застыла в ожидании.

– Помнишь ту историю, которую я рассказывала тебе вчера? Самую первую...я расскажу её тебе, как вернёшься домой, хорошо?

– Правда!? Обещаешь?! – воскликнула девчужка, глаза её сияли.

– Обещаю, – в голосе матушки читалась нежность, – Только и ты мне пообещай кое-что. Если тебе вдруг станет груст-

но или одиноко, посмотри на кулон, что я дала тебе, и вспомни обо мне. Береги его, хорошо? Так я всегда буду рядом с тобой.

– Хорошо, матушка...

Теперь уже она сама вертела его в своих маленьких руках, любуясь обновкой. Никогда ещё Мейли не получала таких дорогих подарков. Она не заметила, как переменялось лицо матери, как та ссутулилась и прибрала к рукам одеяло. Мейли не видела скрытого смысла в сказанных ею словах, не видела намека, мотива. Не видела и скрытого будущего. Всё ее внимание поглотила драгоценная побрякушка.

Мишель прокашлялась, привлекая внимание. С огромным усилием ей удалось свесить ноги с кровати – в этот раз она хотела сама проводить дочь прямо до порога. Мейли, конечно же, была против, но матушка быстро её урезонила. Сегодня ей было лучше, чем обычно, поэтому она не могла упустить такой шанс. «Когда ещё мне выпадет такое счастье?» – сказала она и девчужке ничего не оставалось, кроме как пойти на уступки. Подхватив мать по другу, она провела её до главной залы. Там она всучила ей небольшую палочку, чтобы та смогла самостоятельно вернуться в кровать. Матушка сначала долго протестовала, но Мейли была такой же упертой, как и она сама. От их маленьких споров у Мишель проскакивала кроткая улыбка. Но потом она также быстро исчезала, как и появилась. Как же она любила такие мирные и тихие дни.

Улучив момент, Мейли подхватила лук и закинула его на плечо. Кофту также пришлось надеть, иначе матушка бы её куда не отпустила. Не смотря на все препирания, в ней и правда было теплее. Ветер резко поменялся, принеся с собой темные облака и холод с северной стороны Таоса. Как бы только звери все не попрятались. Охота предвещала быть тяжелой.

– Ладно, я побежала! Скоро вернусь, матушка! – прокричала Мейли выбегая за порог.

– Хорошо, солнышко мое. Хорошей охоты...

Лес ждал её. И Мейли устремилась к нему, рассекая окрестные луга. Возможно, если бы она обернулась хоть раз, она увидела, как матушка прислонилась к двери и, зажав рот рукой, тихо плачет. Как та согнулась и обхватила свою талию, будто в прощальном поклоне, выбросила вперед тонкую руку, но так и не сделала шага навстречу, чтобы обнять. Обнять свою крошечную малютку, что так быстро отдаляется от неё. Мишель обмерла, не смея выйти в этот огромный мир. Она не могла противиться судьбе, но все равно...

Изменила её.

* * *

Господин Терри уже ждал её возле кромки леса с другой стороны своей ветхой хижины. На внешней стене висело множество различных сетей, капканов и ловушек, слов-

но настоящая коллекция. Сам старик был выглядел довольно внушительно на свой возраст. Его борода была густо, тогда как на голове волос почти не было. Одет он был в свою привычную одежду, которая, казалось, не менялась и со сменой сезона: рубаша, толстая жилетка с прокладкой их меха, кожаный поясной ремень, штаны и высокие сапоги. За спиной висел лук, а за поясом скрывался настоящий меч и пара кинжалов. Он всегда носил их на всякий случай, мало ли что пойдет не так.

– Ты опоздала – томно произнес мужчина.

– И вам доброго утречка, господин Терри. Спасибо, что подождали.

В этот раз старик ничего не ответил. Тихим шагом он развернулся и побрел в чащу леса. Их встреча случилась около двух лет назад по чистой случайности. Мейли была настолько увлечена погоней, что даже не заметила, как забрела не на свою территорию. Этот лес выглядел несколько иначе, чем тот, который располагался рядом с домом. Он был более гуще, да и зверье, что тут водилось было намного крупнее. Вилля меж деревьев, она загремела прямиком в одну из ловушек, установленных Терри. Так он и нашел её. Вот смеху то было. Хотя и смеялась там только Мейли, старик же не переставал ворчать, покрывая её самыми разными словами.

После этого происшествия они ещё несколько раз встречались в городе на рынке, торгуя шкурами животных и иногда мясом, если оставались излишки. Для двух незнакомцем

они слишком часто сталкивались и спорили, выпадай на то случай. Так вскоре господин Терри и взял её под свое крыло, научил новым способам охоты, упражнялся с ней время от времени с мечом. «Мало ли что» – казалось, эта фраза была его единственным аргументом на всё.

Лес ещё спал. Только птицы, перелетая с ветки на ветку, издавали приглушенный треск. Было ещё только начало осени, поэтому никто не собирался в спячку. При случае можно выследить даже крупного оленя. В это время они собирались чуть севернее, ближе к окраине леса, чтобы пожевать ещё молодую кору. Однако Терри повел их на восток, аргументировав это, как обычно, одной единственной фразой. Мейли ещё не была в тех владениях, но не думала, что они сильно отличаются. Хотя, с другой стороны, это изрядно подстегивало её воображение. Девчужке уже натерпелось воспользоваться своим луком.

– Скажи, а на кого мы сегодня будет охотиться? – почти шепотом промолвила она.

– Не шуми, а лучше вообще помалкивай. Мы и так уже опаздываем.

Тропинка, по которой они шли, извивалась, точно змея, мелькая меж деревьев. Под ногами валялись шишки, ветки, сорванные сильными порывами ветра, сухие иголки и листья, выпирали толстые корни хвойных деревьев. Природа ещё не успела окраситься в яркие краски, все ещё только начинало готовиться к спячке.

Охотники шли осторожно, стараясь не шуметь. Вдалеке послышалось знакомое журчание. Они выходили к воде. Впереди простиралась огромная поляна, деревья расступались, открывая вид не небольшую речушку с выстроенной на ней плотиной. «Бобры!? Он что, с ума сошел?!» – Мейли покосилась на старика. Тот вел себя невозмутимо и прошёл ещё немного вперед прежде, чем присесть на корточки. Приложив палец к губам, он указал в сторону реки. Даже издали можно было увидеть, как около бревен копошатся маленькие существа: коричневый густой мех, большой и сильный хвост, пара острых, как бритва, зубов. Лесник и в самом деле привел их к бобрам – безобидным, но в то же время опасным животным. Предсказать их поведение очень сложно. Если находится от них на расстоянии, то они может и не обратят на тебя внимание, в противном же случае – жди беды. Бобры не самые крупные животные, но очень проворные. Говорить об численности и подавно не стоит. Позаришься на одного – всполошится вся плотина.

Тропинка шла между речкой и небольшим прудом, заросшим кустами. Плотина немного залезла на неё, но это было незначительно. Притаившись в тени, Мейли украдкой смотрела, как животные таскают и разгрызают небольшие ветки. Видимо солнце уже достаточно поднялось над горизонтом, раз они так переполошились.

– Ну вот, как я и говорил. Мы опоздали – промямлил Терри, доставая лук, – На рынке нынче стала популярна их шку-

ра. Вот я и подумал прикончить парочку, мясо можем и себе оставить. По утрам они обычно не так активны, однако ты была слишком медлительна, поэтому теперь придется разгребать все это дерьмо. Ты в деле?

– Да ты видно шутишь!?! Их же там целая орава! Они же... – девчушка не успела договорить, крепкой рукой лесник нанес ей удар прямо по затылку. Шлепок вышел глухим, но зато хорошим.

– Это ты умолкни! Не хватало ещё всю дичь распугать! Кто виноват в том, что ты такая несносная? Мир не будет ждать лишь тебя одну, глупая ты девка! Хочешь поесть сегодня? Так вперед!

С этими словами Терри вытолкнул её из укрытия. Потеряв равновесие, Мейли кубарем покатилась вперед, цепляя одеждами сухие ветки. Треск переполошил животных. Послышался всплеск воды – кто-то нырнул в реку близ плотины, затрещали бревна. Бобры заторопились в укрытие. Девчушка бегло за озиралась по сторонам, вытряхивая из волос иголки. Из раны на лице проступила кровь. Этот чертов старик! Он снова использует её, ради своей же выгоды. Выхватив лук, Мейли выпустила стрелу в одного из беглецов. Выстрел пришелся точно в бок, и существо издало пронзительный визг. Его бурое тельце, пошатнувшись ещё несколько раз, тут же завалилось на бок. Лапки обмякли и больше не дрогнули.

После этого ещё пара стрел настигли свою цель, прежде

чем звон в голове наконец умолк. Мейли повалилась на спину, её руки дрожали от напряжения и страха. Это было настоящее безумие. «И о чем только думал этот старик? Сказал не шуметь, а сам..» – поток мыслей прервал шорох чуть в стороне от левого уха. Кусты зашевелились, а воздух пронзил свист металла. Клинок пролетел в нескольких сантиметрах от лица Мейли, вонзаясь в чью-то плоть. Брызги крови окрасили землю. Через несколько секунд вслед за ним показался и сам Терри. С гордо поднятой головой он прошёл мимо и склонился над зарослями, поднимая оттуда тушу убитого бобра.

– За тобой должок – бросил он, смерив её кротким взглядом, на лице играла ухмылка – А теперь пошевеливайся. Нужно собрать все эти трупы и содрать с них шкуру, пока солнце не село. Может ещё кого поймаем.

Мейли протяжно взвыла. Распластавшись на холодной земле, ей совсем не хотелось вставать. Ноги ужасно ныли, а на всем теле и место живого не было. Это было только начало дня, а он уже предвещал быть ужасным.

Глава 8.

Вернес.

Материк Аделиада, земли королевства Ардан

12 декабря, 1317 год

Солнце отдавало холодом. В мире природы такое совер-

шенно невозможно, но у мертвеца на этот счёт были свои мысли. Его путь лежал на север. И вот уже несколько дней кряду он неустанно передвигался по опустошенным землям, названия которых даже не знал. По дороге он узнавал все больше, находил новый стимул, а мысли принимали целесообразную форму: цель, месть, жажда. Но из-за того, что в нём не было ничего присущего человеку, он вёл жалкое существование: мочился под себя, а пропитания и вовсе не искал. В результате он быстро погиб.

Но он не был человеком и смерть являлась лишь очередным состоянием тела. Он умер уже целых пять раз. Но после каждой смерти он снова возвращался к жизни. В первый раз это заняло долгих четыре дня, а вот на пятый всего каких-то 12 часов. Боль ускоряет развитие, ни одна смерть не бесполезна. Хоть его новое тело и выглядело сильным, ему также нужна была еда, чтобы существовать. В лесу тот, кто раньше был Вернесом, охотился на животных, голыми руками истязая их тела, в долинах – искал водоёмы, прислушиваясь к журчанию воды.

Рельеф часто менялся, уходя то высоко вверх, превращаясь в небольшие горы, то резко спускался в низовья, образуя болота, в одном из которых по собственной случайности Вернес и увяз. Казалось бы, в самом разгаре декабря всё уже давным-давно должно было замерзнуть, однако здесь погода была иной. Приходящие с юга теплые ветра не давали рекам и морям мерзнуть, а снег, если даже и шёл, сразу же исче-

зал, тая прямо на глазах. Поэтому, высмотрев неподалеку кусты со спелыми, ярко-алыми ягодами, движимый непреодолимым чувством голода, мертвец с свойственной ему невнимательностью, увяз в этой жиже. Чем больше он прикладывал усилий, тем быстрее уходил под землю. Мир представлял пред ним жестоким и страшным.

Он бы так и умер в свой пятый раз, если бы вовремя не остановился. Сквозь густые вечнозелёные кроны хвойных деревьев и голые ветви лиственных дневной свет почти не проходил, но и этого освещение было достаточно, чтобы разглядеть всё в радиусе одного метра. До ближайшей опушки было далеко – несколько шагов. За это расстояние можно прилично увязнуть, однако прямо на ней прилёг отдохнуть в свой последний раз одинокий дуб, заснув вечным сном. Его толстые корни разрезали почву и, торча в разные стороны, неуклюжа валялись на поверхности. У самого основания пристанище нашёл себе мох, пряча под собой еле заметные оранжевые шляпки грибов, оставшихся с осени. Подобные этим Вернес ел около двух дней назад. Вкус у них просто ужасный, но этого было достаточно, чтобы дать телу пожить ещё немного.

Толстые ближе к самому основанию ветви дуба повисли над кромкой болота, так и не урвав себе кусочек света. Это дерево не самое высокое из тех, что уже успел повидать юноша. У самой границы Пепельной долины располагался сосновый лес. Деревья, точно великаны, уходили высоко в небо

и, казалось, протыкали его своими острыми верхушками. В поле зрения попадали разве что стволы, кроны были куда выше и с очень редкими листьями. Глаза разбегались и путались. Одно дерево в точности напоминало другое, а вокруг стояла мёртвая тишина, будто бы всё вокруг было мертво. Землю укрывал тонкий слой свежесвыпавшего снега, скрывая под собой растения. Тогда мертвец шёл не глядя, влекомый лишь зовом своего сердца, оставляя за собой цепочку мелких следов.

Этот же лес выглядел совсем иначе. Вся природа выглядела по-другому. Некоторые из деревьев стояли голые и уже мало чем напоминали громоздких великанов. Их стволы толще, а верхушки не такие далёкие. Кора потемнела, больше напоминая кусок угля. Ветви можно было разглядеть и не запрокидывая голову так, чтобы шея издавала непонятный хруст. Представители хвойных здесь тоже встречались, но уже не так часто.

Вернес поднял голову. Одна из ветвей дуба как раз доходила до него – до нее было рукой подать – однако на вид она была слишком хрупкой. Под таким весом с легкостью сломается.

Вдруг лес зашевелился. Где-то в глубине голос подала встревоженная сова, хрустнула ветка – одна, другая – послышался шорох. С востока налетел ветер, унеся с собой все запахи. Хвойные деревья зашелестели иголками, приглушая

шаги умело пробирающегося сквозь глушь существа. Кто-то приближался, Вернес это чувствовал. "Нужно спрятаться! Быстрее! Спрячься! Оно убьёт тебя!" – вторил инстинкт. Мертвец зашевелился. Ветка ещё внушала опасения, но это был его единственный шанс. Он схватился за нее потными руками и резко потянул на себя.

Раздался хруст, затем свист и крик, больше напоминающий рёв зверя. Вернес откинулся назад, выпустив ветку. Глаза заплыли, а тело содрогнулось от накатившей боли. Мир затих. Ветер сменился и в ноздри ударил ощутимый запах железа вперемешку с кровью и чего-то ещё... Мертвец не смог различить последнее. Это было нечто новое, то, чего он раньше ещё не видел.

Вернес поднялся, зрение сфокусировалось. За ним наблюдали. Жажда крови била в виски и пробирала до кончиков пальцев. Из правого плеча торчала стрела. Её наконечник глубоко вошёл в тело, разрывая плоть. Мертвец поёжился. Свободной рукой он дотронулся до орудия и попытался вытащить его. Тело содрогнулось в новом приступе. Во рту появился знакомый привкус железа. Взор туманился, природа плыла, ускользая от его взора. Что-то явно было не так. Стрела не задела жизненно важных органов – Вернес был в этом уверен – однако сознание ускользало от него.

"НЕТ! Нельзя! Нужно выбираться отсюда. Убить... УБИТЬ ЕГО!" – новый вопль всколыхнул землю. Даже имея человеческую оболочку, это дитя не имело ничего общего с

человеком. Это был самый настоящий монстр. Им владела животная, всепоглощающая ярость. После того, что произошло, не стоило ждать иного

Вырвав стрелу, Вернес сделал резкий рывок вперед и схватил свисающую ветвь. Послышался новый выстрел, но, к счастью, он лишь слегка оцарапал щеку. Юноша продолжил двигаться, периодически останавливаясь, чтобы перевести дыхание и уловить новые запахи. Тем временем существо и не думало двигаться с места. Прячась за деверьями, оно продолжало наносить хаотичные удары по своей жертве, будто ожидая чего-то. За такими частыми ветками было трудно что-либо разглядеть, поэтому было логично предположить, что оно ориентировалось на звук.

До берега оставался всего шаг, когда новая стрела вонзилась ему в грудь. Мертвец покачнулся. По дрожащим бедрам Вернеса потекла кровь. Её тепло разогнало шок, боль приобрела новую острую форму. Его тело умирало. По ощущениям стрела пробила легкое и раздробила ребро. На этот раз она выглядела мощнее и внушительнее, чем в первый. Древко толще и тяжелее, а наконечник исполосован множеством острых зубрин. Поэтому было не удивительно, что при попытке вытащить стрелу, древесина попросту сломалась, оставив острый конец и дальше торчать в теле. Из рта хлынула кровь, дыхание участилось и стало прерывистым.

Следом прилетала еще одна стрела, схожая с предыдущей, впившись в бедро. Потом ещё. И ещё. Парализован-

ный болью мертвец даже не мог вздохнуть. Полностью оцепенел, стиснув онемевшими пальцами ветку. От напряжения едва не лопались сухожилия. В голове звенело, не было никаких мыслей, но останавливаться нельзя. "Осталось совсем немного!" – вторил голос.

Это было последнее усилие, на которое он оказался способен. В глазах замелькали красные и черные пятна. Он совсем обмяк. Тело пульсировало от боли разной степени. Из последних сил рванув на себя ветку, юноша вытащил на поверхность левую ногу, затем правую, пока окончательно не оказался на земле. Тело не слушалось. Качнувшись, Вернес прильнул к упавшему дереву и сполз вниз. В ушах звенело, среди деревьев послышался шорох: кто-то двигался в его направлении. Мох с треском зашумел под чьими-то тяжелыми шагами, ветви раздвинулись.

Тишина привлекла охотника, выманив его из укрытия. Вернес не смог различить силуэта, фигура плыла, минуя большие деревья.

С неба внезапно повалил снег. Видимость сделалась ещё хуже. Попадая на одежду, мелкие снежинки в мгновение ока окрашивались в темно алый цвет, перемешиваясь с кровью. Были и те, что застревали между иголками елей или же ложились ровным слоем на ветках лиственных деревьев, словно укрывая их белой пеленой, дабы согреть от холода, тогда как другие сразу же таяли, даже не долетев до земли. Темно-

та в глазах сменилась белоснежным сиянием, даже опустошённый дуб, черный, словно ночь, вновь стал светлее.

Веки наполнились тяжестью, глазам хотелось скрыться от этого света куда-то вглубь, как можно дальше в темноту, туда, где никто их не потревожит. Вернусь хотелось спать. Единственное, что он смог уловить напоследок был крик.

Охотник нашёл свою добычу.

Глава 9.

Аарон.

Материк Таос, столица Юга

5 октября, 1317 год

– Давным-давно на земле не было ни солнца, ни луны. На небе светили только звёзды и люди разводили костры, чтобы было хоть немного виднее, но этого было мало.

Однажды великий воин преследовал злого чёрного колдуна, который украл у него невесту. Но на земле было очень темно, и воин не знал, куда идти. Тогда он встал в середину костра и взмолился богам: пускай я буду гореть так ярко, чтобы осветить всю землю и, может быть, злой чёрный колдун погибнет и вернётся моя невеста.

И вняли Боги его мольбам, и загорелся он ярко-ярко, и вознёсся в небо. В тот же миг всё вокруг осветилось, а чёрный колдун не смог вынести тепла и света и растворился, как дым. Невеста воина вернулась, но самого его уже невозмож-

но было вернуть. И тогда ночью невеста сделала такой же ритуал, как и её жених, но стала она не солнцем, а луной. И все же невеста со своим женихом не могла встретиться. Тогда Боги сжалились над ними и даровали свою волю. Лишь раз в несколько лет на один короткий час им дозволено было сойтись вместе после долгих блужданий.

Луна закрывала солнце, а солнце закрывало луну. Люди помнили о них и благодарили их за самопожертвование, а сам этот день прозвали – затмением. Поэтому именно сегодня...

Солнце приближалось к своему зениту. Дышать становилось все труднее. Несколько сотен идеально ухоженных голов вбирали в себя больше воздуха, чем мог вмещать в себя храм, даже находясь в пустом состоянии. А под палящими лучами солнца его становилось и того меньше. Удивительно, что стольким людям вообще позволили сюда войти. Это место не предназначено для чужих глаз, как и сама церемония. Не говоря уже о мерах приличия, которых явно никто не собирался соблюдать с самого начала. Шепот многочисленных голосов, отталкиваясь от белокаменных стен обитали, разносился эхом по всему залу, заглушая главного священника.

Одни говорят, что этот обряд стар, как наш мир, другие, что его и вовсе никогда не существовало. Но я знаю в чем содержится истина, всегда знал. Именно поэтому его и не стоит устраивать не всеобщее обозрение. Это нечто сродни лично-

му, тому, что принадлежит только двоим. Поэтому, видя подобные пышные торжества, люди порой не замечают за ними настоящего. Они верят всему, что им говорят. Наверное, именно поэтому все так и глупы.

«Лишь раз в сотню лет в двух разных королевствах, разделенных высокими хребтами, рождаются дети под ликом луны и солнца. И этим душам суждено быть вместе. Они связаны неразрывной нитью и вынуждены нести этот крест до самого конца. Одна – луноликая дева, а другой – свет яркого солнца» – так учили нас старцы и их словам нет основания. Эти сказания прошли уже много лет, поэтому правда давно затерялась где-то вдали. Да, конечно, похоже на сказку, но для меня теперь это самая настоящая реальность. Рожденный с именем солнца и меткой одаренного, я обязан пройти через это.

До начала оставалось всего несколько минут. Знать и члены королевской семьи расположились у самого основания каменной лестницы, ведущей к небольшому возвышению. В окнах блестели огромные витражи, заливая все пространство храма теплым светом. Разноцветные стекла, скрепленные свинцовыми перемычками, заполняли оконные проемы и создавали большие, многоцветные картины на религиозные или бытовые сюжеты. Пронзительный по цветовой насыщенности свет, льющийся из стрельчатых окон, приводил в благоговейное состояние прихожан, утверждая главную идею: встречу земли и неба. Выполнены они были, ка-

залось, из всех оттенков солнца, как и подобает южному королевству. Но главным достоянием и по сей день оставалась Первая Святыня – так её прозвали в народе. Она возвышалась прямо над алтарём и была единственной в своем роде, ведь включала в себя цвета небесно-голубого и иссиня-черного неба. Две фигуры, соприкасаясь ладонями, стояли напротив друг друга, но взгляды их были направлены вниз. Туда, где сейчас стояли мы – солнце и луна, кронпринц и принцесса, Аарон и Селина.

Девушку обволакивал холодный свет, играя с драгоценными камнями на её шее и платье, отскакивая от них маленькими бликами. Рукавов у неё не было, вместо них руки обрамляли серебряные цепи, которые скреплялись сзади небольшим украшением, выполненным на манер полумесяца, во главе же ворота виднелся сапфир. Важные детали обрамляли цветы, сделанные из той же белой ткани, что и главный корсет. Верх груди и основная юбка были сшиты словно из самого небесного полотна и просто идеально сочетались с переливами витража. Поверх подола также шлейфом ложилась тонкая, похожая на свет настоящей звезды, материя. Темные волосы были убраны в небольшой пучок и завиты, а сквозь пряди на лбу проглядывала тонкая фероньерка – отличительная черта знати северного королевства.

Селина была прекрасна. Она являла собой настоящее воплощение своей богини. Лишь взгляд её был затуманен и полон печали. Глаза, что так ярко сверкали всего пару дней на-

зад, в мгновение ока потускнели. Рядом со мной она казалась такой хрупкой, будто стоит мне только коснуться её, как она тут же рассыпится, растает без следа.

Наша первая встреча была мимолетной, но я все равно очень хорошо запомнил её. В один из погожих дней она окликнула меня. Всего на минуту, на какую-то жалкую секунду мой взор застыл, прикованный к этой маленькой фигурке. В ветвях перекликались птицы. Они пели приглушенно, словно вполголоса обсуждая нежданную гостью. Солнце медленно катилось к закату. Из-под ног поднимался густой аромат трав, щедро напоенных солнечными лучами. Поляна передо мной пестрела мелкими цветами, а по середине стояла она, залитая солнцем. Её волосы трепал легкий теплый ветерок, остужая нагретое тело после высокой жары. Махая рукой, она словно подзывала меня. Тогда я не знал ни её имени, ни её происхождения, ни причины, по которой она оказалась здесь, утопая по самую голень в фонтане. Одетое на ней легкое платье голубого фасона было сильно скручено и заправлено за пояс. Брызги от фонтана омывали её лицо, смешиваясь с каплями выступающего пота. Девушка озорно вышагала мелкой поступью по днищу, расплёскивая воду в разные стороны, иногда подпрыгивала, создавая небольшие круги на поверхности, и заходила веселым смехом, словно гордясь своей шалостью.

Мимо меня промчались служанки, все впопыхах и со свежими полотенцами. Не успел я и шагу ступить, как они окру-

жили её со всех сторон. Переполох стоял немислимый, но девушку, кажется, это совсем не смущало. Весело щебеча, она продолжала бегать по кругу, ускользая от их цепких рук. Тогда я подумал: «И что за странная особа?». А теперь и во все не могу выбросить из головы. Наверное, я и сам не заметил, как влюбился.

– *Да будет всем известно, что прямо здесь и сейчас произойдет бракосочетание между мужчиной и женщиной! И чтобы друзья, храбрые рыцари и оруженосцы, которые сопровождают жениха, были достойны присутствовать на церемонии, я искуплю мечом их мужество. Мужчины, встаньте на колени перед алтарем Господа и приготовьте меч!* – громко произносит священник, подзывая к себе нескольких солдат, стоявших чуть в тени колонн.

Церемония началась. Гремя латами, юноши срываются с места, привлекая к себе внимания прихожан. Все вокруг сразу затихает, расступаясь перед моими товарищами. Каждый в этой стране знает, кто перед ними. Все они до одного мастерски владеют мечом, и я без ропота готов доверить им свою жизнь. С кем-то мы знакомы с раннего детства, а вот с Тео – он шёл позади всех – лишь пару лет. Однако это не помешало нам сразу найти общий язык. Нас познакомил мой отец, когда мы прибыли с визитом в соседнее герцогство. Он был сыном приближенного Его Величества, а значит наша встреча была предрешена самой судьбой. Тео выглядел чуть старше меня, с копной рыжих волос и яркими веснушками.

Он был тем ещё чудачком, всегда говорил о невозможном. Однако сейчас по его лицу было видно, что он нервничает. Впрочем, как и я сам.

Пока священнику подают меч, каждый из рыцарей медленно склоняется на одно колено. После чего посланник Господа трижды прикладывает меч к плечам каждого из друзей со словами: «Трижды я касаюсь тебя мечем. Первый раз – во имя нашего короля, второй раз – во имя нашего епископа, третий раз – во имя нашего Господа и Защитника!». На их лицах проступает улыбка, а начинаю лишь еще больше молиться, чтобы все прошло идеально.

– Встань же и ты на колени, принц Аарон, займи свое законное место перед Богом! – по правилам церемонии у стоящего на коленях жениха данным жестом священник спрашивает готов ли он ко всей ответственности перед Богом за выбранную женщину и, услышав его утвердительный ответ, трижды касаясь мечом, произносит примерное следующее – *Тогда я посвящаю тебя, как посвятил твоих храбрых друзей, во имя нашего короля, нашего епископа и нашего заступника Господа! И пусть благородное общество празднует вместе с тобой и радуется, что ты готов принять свою избранницу!*

Тоже самое предстоит пройти и юной принцессе, прежде чем я наконец беру её за руки, а солнце в витражах отесняется луной. Все, как и предсказывали, сегодня тот самый день – затмение. Только поэтому свадьбу пришлось так оттянуть, все ради очередной традиции. Я отвожу взгляд на одну

короткую секунду, чтобы разглядеть в толпе своих родным. Все они заворожено смотрят чуть выше наших голов, почти на самый купол, куда падает огромная тень от луны. Все помещение медленно заполняется тусклым светом. И ровно в этот час главным священник продолжает свою речь:

– Аарон, хочешь ли ты взять эту женщину в жены, жить с ней по законам Божьим и в святой нерушимости брака? Будешь ли ты любить ее, утешать ее, охранять ее честь и держать ее при себе в болезни и в здравии, не думая о других женщинах и храня верность ей, пока вы оба будете живы?

– Да.

– Будешь ли ты, Селина, повиноваться своему мужу, служить ему и любить его в болезни и в здравии, храня верность только ему одному и не думая о других, пока вы оба будете жить?

– Да, буду.

ЛОЖЬ.

Все тело пронзает точно стрелой. Я поднимаю глаза и стараюсь взглянуть на неё, девушку, что только что отвергла меня. Тео тоже отрывает взгляд от витражей и смотрит в мою сторону. Он такой же, как и я. Мы оба можем различать правду, и в его глазах я вижу лишь сожаление. Впрочем, ничего другого и не стоило ожидать от этого союза. Все это было создано лишь ради укрепления связей двух королевств, ради священного обычая, ради Богов, но никак не нас.

Все дальнейшее действо проходит для меня как в тумане, и церемония завершается. Гости, уставшие от долгих речей, начинают медленно покидать зал в предвкушении дальнейшего празднества. На площади зазвучала музыка, а на столах начали появляться и быстро опустошаться бутылки. По такому случаю даже аристократы остались среди простого люда, чтобы повеселиться вместе с ними. В центре вспыхнул и задымился огромный костер, собрав около себя всех крестьян. Я сразу узнал скрипки и барабаны, но не смог определить голоса других инструментов. Музыканты играли настолько весело и заразительно, что ноги людей сами пускались в пляс. Краски их нарядов завораживающе переливались. Это был не танец со строгими правилами. Танцующие наслаждались свободой. Для всех это был светлый и открытый праздник.

Тео, разумеется, как и все остальные товарищи сразу куда-то исчезли. У членов королевской семьи, наверное, и на этом празднике были свои обязанности. Лишь мы вдвоем стояли в стороне, наблюдая за всем издали. Пламя отбрасывало мирные тени на лицо Селине, придавая ему более загорелый вид. Наверное, по сравнению со мной она казалась совсем бледной. А её глаза, глаза цвета сапфира, впивались в бесконечный парад людей, любуясь каждым движением.

– Не хочешь... потанцевать? – тихо спросил я, чуть нагнувшись.

– Что!? – казалось, она была удивлена. Её голос прозвучал на тон выше, а на щеках выступил румянец. Она резво

извернулась в мою сторону, схватившись за ухо, но тут же стихла, – Нет, что вы. Мне и тут хорошо.

ЛОЖЬ.

Меня снова кольнуло, и я улыбнулся. Не помню, когда в последний раз чувствовал нечто подобное. Наверное, в раннем детстве. Потом мне было не до веселья.

– Иди повеселись вместе со всеми. Мне все равно нужно кое-куда отойти. Не стоять же тебе здесь одной – шепчу я, подталкивая её в спину к самому кругу танцующих.

Селина изящно вывернулась и вновь устремила на меня свой взгляд. Наверное, теперь её не нужно было просить дважды. В один миг она нырнула в этот шумный водоворот и исчезла, шелестя подолом своего платья. Она превратилась в сплошной вихрь, оторвавшись от всех цепей и границ, сковавших нас сегодня. Лишь изредка я замечал её фигуру, высказывающую чуть в сторону, слышал её звонкий смех. Я не знал, с кем она танцует и как выглядят партнеры. Зато я знал, что там она стала музыкой, огнем и наступающим вечером. Не было сил и стихий, способных её остановить. Она светилась, как настоящее солнце. А мне не хотелось уходить со своего места.

Небо превратилось в громадный пруд из расплавленного аметиста, сапфира и рубина. Они темнели, становясь цвета оникса. Мне захотелось поплавать в этом пруду, искупаться в его красках и ощутить звезды, перемигивающиеся у меня между пальцев. Теперь я тоже был частью этого мира ночи.

И я мгновенно полюбил его, как родственную душу.

Музыка смолкла. Глотая ртом воздух, Селина плавно выскользнула из круга. Её тело ещё чуть раскачивалось, не успев привыкнуть к новой обстановке, а голова, будто отделённая от всего остального, в панике озиралась по сторонам. Это выглядело на удивление мило. «Похоже она меня потеряла» – подумал я с усмешкой, делая шаг навстречу. Наши глаза встретились. Все краски и звуки подернулись дымкой. Среди прочей суеты я видел только её, а она неотрывно смотрела меня. Казалось, эта девушка была единственной, кто удерживал меня здесь.

Вот и сейчас, забыв про манеры, она ринулась в мою сторону, подхватив под руку край платья. Её каштановые волосы взмокли от пота и совсем растрепались. Какой же она была обаятельной! Влекомый, странным чувством, я побежал ей на встречу. Между нами оставалось всего пара шагов, как вдруг поток ожил, и Селина вновь исчезла, растворившись в толпе. Вверх взлетели кубки с вином, и загремела новая музыка. Музыканты играли быстрее, вторя многочисленным голосам:

Жар очей в вышине-е-е

Восходит.

Солнца свет во темноте-е-е

Страж ночей и огней.

Солнце тьмы.

Воцарится навек!

– Станцуйте же с нами, ваше высочество! – кричали ото-
всюду.

И я танцевал.

Чьи-то руки обхватили меня и вместе с остальными зева-
ками перенесли в круг. Вокруг стоял невообразимый смех,
весь мир вертелся вместе со мной. Перед лицом мелькали
самые разные люди, превращая меня в само движение. Я не
только слышал звуки – они стали для меня живыми суще-
ствами, полными красоты, радости и удивления.

– Ваше высочество!

Я повернулся на голос и чуть не споткнулся. Лицо Силены
было совсем рядом.

– Наконец-то я нашла вас – вымолвила она, подхватывая
танец.

Из груди вырвался смешок. Подумать только! И это она
нашла меня! Она! Хотя я задумывал совсем иное.

– Что ж, тогда прошу, станцуйте со мной.

И я подхватил её так легко, словно она была соткана из
воздуха, и закружил в танце. Я мало что знал о простых гу-
ляньях, отдавая предпочтение дворцовому этикету. Поэто-
му неуклюжесть моих движений восполнялась её бесподоб-
ным изяществом. Предчувствуя, что она может оступиться
из-за меня, я всякий раз подхватывал её и возносил прямо к
небу. Селина кружила меня вокруг костра, а я не стремился

отпускать её.

Минуты шли и костры постепенно затухали. Пора было готовиться к отбытию. Я отвел Селину к родным, её старшая сестра уже ждала нас около экипажа. Кажется, её звали Алетэль – нынешняя кронпринцесса Севера. Она была старше меня на два года и имела по-настоящему царственный вид. До свадьбы мы пересекались всего пару раз на общих собраниях – тогда-то отец нас и представил. Как и всегда, сегодня на ней было закрытое белоснежное платье с широкими длинными рукавами с прорезями от кисти до локтя, что считалось признаком принадлежности к привилегированному сословию. Пояс обрамлялся золотой вышивкой с причудливыми узорами, которые, дружно перекликаясь между собой, словно змеи, расплзались и по всему периметру наряда. Волосы имели такой же темный оттенок, что и у младшей сестры. Прическа была сложной, но в тоже время изысканной. Она состояла из нескольких комбинаций кос и локонов, украшенных жемчужинами. Лоб также украшала тонкая фетроньерка.

Рядом с ней стоял мужчина несколько старше её самой. Немного отклонившись, она что-то тихо прошептала ему на ухо, после чего сопроводила нас к дверям, не удостоив и словом. Её манеры, вкус, вид, осанка – все это говорило о статусе. Даже на подобном торжестве она не отступала от своих обязанностей члена королевской семьи и держалась соответствующе. Что нельзя было сказать о нас: красное, взмокшие

от пота лица, растрепанные волосы, мятая одежда, обувь вся в грязи. Уголок её рта чуть дрогнул.

– Надеюсь, вам понравился праздник, ваше высочество? – отчеканя каждое слово, проговорила Алетэль, – С вашего позволения я бы поехала вместе со своей сестрой. Вы ведь не откажите мне в такой маленькой просьбе?

Её голос наполняла сталь. Алетэль ясно давала понять, что не намерена спорить или выслушивать возражения на этот счет. Поэтому, немного покраснев то ли от стыда, то ли от накатившего смущения, Селина поспешила сесть внутрь. Принцесса последовала её примеру и, как следует отряхнув край платья, присела в вежливом реверансе в знак прощания.

– Ещё свидимся, принц Аарон – только и успела вымолвить Селина, как дверь кареты захлопнулась.

– И во-о-от она и уехала закат! Или правильной будет сказать в луну? Или на луну..? Как думаешь? Они ведь все такие м-м-мм-м...ЛУННЫЕ эти дамочки!

Тео был в стельку пьян. От него несло перегаром даже за милю. В руке у него болталась пустая пивная кружка – все её содержимое давно выплеснулось ещё на первой кочке. Ролан и Ян сидели на противоположном сидение, сжавшись друг в друга, стараясь таким образом оградить себя от этого пьяницы. Мне же досталась роль его компаньона, а также по совместительству и своеобразной тряпки для слез. Судя по все-

му, очередной "любовный поход" Теона-завоевателя завершился полным провалом.

– Эй, вы вообще слушаете меня? Как грубо! Не я ли был твоим другом на свадьбе!?

Ян нервно кашлянул. Все мы были вымотаны и мечтали о покое и сладком сне, однако ему предстояло провести ещё целую ночь в обнимку с копьём на крепостных стенах. Сейчас он лишь сопровождал меня, как и положено, но потом обязан был вернуться в город.

– Скажи спасибо, что мы не бросили гнить тебя в канаве – Рован потер переносицу. С одной стороны его забавляли подобные ситуации, но сейчас был крайне неподходящий момент, – Можешь просто откинуться и уснуть наконец?

– И это мне говорит тот, у кого обычно пасть не закрывается! Что с тобой стало, крошка Мими? Ты тоже решила меня броси-и-ить!?

В воздухе свистнула сталь. Клинок Яна с силой вонзился в деревянную дверь кареты, проткнув ее насквозь. Надув щеки Тео искоса взглянул на товарища, явно разочарованный его поведением. Он выглядел, будто ребенок, у которого отобрали любимую игрушку. А если точнее – шанс как следует подразнить Рова, перед чем как ему окончательно снесет башню. Однако намек все же был предельно понят.

– Если вам так смердит моя компания, могли и не брать с собой! Очень уж нужно!

– Просто у Его Высочества Аарона слишком большая ду-

ша, прямо как бывшие владения его новоиспеченной жены – выговор Рована становился все более ядовитым. Его предвзятое отношение ко всему общественному строю в последнее время переходило всякие рамки. Скажи он подобное при короле или более низком чиновнике, тут же лишился бы головы. Плаха по нему вообще уже давно горюет, однако я все не позволяю им сойтись. Уж больно мне нравится этот засранец с его несносным характером. Ров, наверное, единственный кто не считает меня принцем, хотя до сих пор не понимаю – к счастью это или наоборот к сожалению.

– Но ведь Север ещё и холодны-ы-ый!

– УМОЛКНИТЕ!

Глаз Яна был немного приоткрыт и поглядывал на нас с лютым недовольством. Его огненно-коричневые глаза отличали оттенком яркого пламени, а голос не соответствовал возрасту. Среди нас всех он был самым старшим, чуть больше двадцати, но выглядел явно моложе. Если же говорить про отношение, то тут он скорее напоминал отца. Хоть с виду и не скажешь, но он очень душевный человек, даже со всеми этими пристрастиями к равенству и излишками нервов. Мой отец его очень уважает, поэтому понемногу и я стараюсь этому соответствовать. Иногда, сам того не замечая, начинаю копировать его, перенимая манеру поведения. Со стороны выглядит смешно, но Ян этого не понимает. Всего есть несколько правил, благодаря которым с ним можно наладить хорошие взаимоотношения. И мы, собственно, толь-

ко что нарушили самое первое из них – не будить.

– Вот почему у тебя нет девушки!

Два из трех. Да мы сегодня идем на рекорд!

– Тео почему бы тебе и правда не приле...

– Не мне, так лучше Аарону посочувствовал бы! Его вообще кинули на собственной свадьбе! – в этот момент моя рука наконец настигает его рот и зажимает в крепкие тиски, превращая и того невнятный голос в глупое мычание.

Все резко переключаются на меня, включая и второй глаз Яна – звучит жутко, но на самом деле это о многом говорит. Ров поддается вперед, сгибаясь пополам от смеха, но тут же вскрикивает, содрогаясь в очередном приступе боли. Я чувствую, как лицо заливается красоткой, а рука невольно сжимается на лице у бедного пьяницы. Тот лишь продолжает что-то невнятно мычать, облизывая и покусывая мои пальцы в некой просьбе о помиловании, пока я окончательно не вырубаю его. Следом раздается громкий удар о жесткую обивку и легкое посапывание, сменяющиеся тишиной.

– Аарон, это правда? – Ян окидывает меня ровным взглядом, убирая ножны с ноги товарища, – Неужели то, что сказала Селина, была ложь?

А он зрит прямо в корень.

– Это не столь важно. Не теперь... Все было решено ещё очень давно, и не важно любит она меня или нет. Теперь, когда союз наконец заключен, всем станет намного легче. А это самое главное для меня, как для будущего короля этой

страны, – на лице промелькнула легкая улыбка – Но спасибо тебе за эти слова.

– Слушай, ты не обяза... – Рован не успел договорить, как Ян остановил его взмахом руки.

Возможно, мне и правда нужен был покой. В любом случае всю оставшуюся часть пути до дворца мы проехали в тишине, слушая скрипучее храпение Тео. Кажется, я даже смог немного вздремнуть. Общество близких друзей по-своему успокаивало, отгораживая от всего остального мира. С ними время всегда пролетало намного быстрее. «По ним уж точно скучать не придется» – думал я всякий раз, оставаясь наедине с собой, пока в один прекрасный день отцовский престол не постучал в дверь моей маленькой коморки. Непосильное бремя рухнуло тогда на мои плечи. Каждый день я только и думал, как бы сбежать отсюда как можно дальше, далеко на Север, через горы, туда, где мне будет по-настоящему тепло, где я смогу отдохнуть и забыть обо всем. Туда, где меня ждет моя новая семья, мои друзья и все, кого я только знаю.

Я плакал, плакал, как маленький ребенок, отказываясь принимать свою новую жизнь, отказываясь от этой новой и незнакомой мне прежде реальности. У меня не было выбора, не было права на отказ. Все, что я мог – это ждать, ждать, когда все наконец закончится. Но время шло. Часы превращались в дни, дни в недели, а недели в месяцы. Сны принимали форму кошмаров, а еда вся казалась противной. Я не понимал, со что мной происходит, как и никто другой. Все

были рядом, но одновременно и так далеко, что не дотянуться. Наверное, мне и в самом деле было страшно.

Но для этих двоих, видно, правила были не писаны. Спустя ровно два месяца Рован с Яном под видом, цитирую: «Новой личной охраны Его Высочества принца Аарона» вломились прямо ко мне в кабинет и выкрали на глазах у всех учителей, выпрыгнув через окно. Вот так просто, раз и уже нет! Ну и шуму же, конечно, было, а они даже палец о палец не ударили. Тот день мы так и провели вдали от дворцовых стен, выпивая и гуляя по улицам города, пока стража не нашла нас. Хотя, как любит повторять Ян, это скорее мы нашли их, чем наоборот.

С тех пор так и повелось. Вспоминая это, я не могу не смеяться. Теперь, по прошествии многих лет, все воспринимается несколько иначе. Возможно, это и правда был ценный урок, а может и бесполезная трата времени. Главное, что эти двое и по сей день остаются рядом со мной. И я знаю, где мое настоящее место.

Глава 10.

Селина.

– Ну, а теперь рассказывай! Я очень внимательно тебя слушаю.

Стоило карете тронуться, как сестра тут же преобразилась. В полумраке лица было почти и не видно, но её гла-

за – как бы это правильной сказать – просто сияли от любопытства, пробиваясь сквозь темноту. Вы когда-нибудь видели карие глаза на солнце? Это не всегда заметно, но потом вы понимаете, что их больше нельзя описать словами «карие». Они становятся лучиком текучего золота, очерчивающими солнечным затмением. То же было и сейчас. В карих глазах нет ничего скучного, даже когда наступают более поздние часы, они сами становятся закатом.

Вот такая она, Алетэль. Полная голова аристократической каши. Но за всей этой мешаниной – чистая, красивая душа. Девушка, что всегда приласкает маленького пушистого зверька, поможет добрым советом бедному крестьянину. В общем из тех личностей, которые непременно полезут на высокое дерево, чтобы вернуть в гнездо выпавшего птенца.

Наши голоса не смолками вплоть до самого дворца. Её интересовала каждая мелочь, и слова лились, словно ручей, напоминая щебет соловья. Как же мне будет этого не хватать. Не хочу, чтобы она уезжала, не хочу расставаться. Сохранять образ будущей наследницы престола очень тяжело, во много приходится себе отказывать и быть тем, кем ты не являешься на самом деле. И Алетэль знает это не хуже меня. Однако эта ночь последняя, когда я могу увидеть её, услышать этот дивный голос.

Сестра поднялась с кресла и ласково обняла меня за плечи, трепетавшие под тонкими тканями платья. Она и сама чувствовала себя прескверно. Полночи она наблюдала за мо-

ей свадьбой, видя вдалеке лишь крошечную фигурку. Всего полночи ей было выделено на прощание со мной перед долгой, почти вечной, разлукой.

– Послушай, Селина... – проговорила Алетэль неторопливо.

– Да, сестра?

– Позволь мне быть с тобой откровенной – выдохнула она, как бывает с лицом подневольным, который набрался мужества выложить всю правду без остатка – Все будет намного лучше, чем ты думаешь. Не терзай себя плохими мыслями. Выше нос! Это просто... так надо. Ты не одна.

В горле словно застрял ком. К глазам пристали слезы.

– Я начинаю думать, – мрачно произнесла я, – что родители и тебя заморозили этой призрачной сказкой.

– Ты ошибаешься! – Алетэль щелкнула пальцами возле самого носа и резко выпрямилась.

– Тогда, что мне прикажешь делать?

– Ждать.

– Ждать?

– Ждать и наблюдать. В терпении сокрыта большая мудрость.

И принцесса снова повалилась на спинку сидения. Улыбка, змеящаяся на её губах, была сродни трещине на древнем горном уступе.

– Порядочная девушка никогда не бежит за парнем, Силена. Ну где же это видано, чтобы мышеловка бегала за мы-

шью?

В этот миг дверь отворилась. Отворилась с изумительной медлительностью, со скрипом, способным на целый день испортить настроение. За пронзительностью скрипа следовало бы заподозрить не безалаберность кучера, но, напротив, кропотливейшие усилия, как, например, ежедневное ошпаривание петель кипятком. Алитэль замерла и начала медленно поворачиваться лицом к двери.

Пустота дверного проема, представшая её взору, произвела на неё гнетущее впечатление. Весь ее жизненный опыт говорил о том, что двери сами по себе не открываются.

Алитэль откашлялась. Из-за двери показался низенький лакей, почти мальчик. Сестра приветливо улыбнулась и дала ему пару серебряных. Наша поездка подошла к концу. Несколько слуг уже ждали нас у входа. С ними мы познакомились ещё по приезду. Жанна – та, что с веснушками и двумя рыжими хвостиками, с очками – это Елена, а самая рослая – Тина. Все трое присели в кротком реверансе и повели нас в покои. Ночью светлые прежде помещения отдавали холодом и будто сдавливали пространство. Смуглое освещение отбрасывало длинные искривлённые тени на громадные картины в залах, искажая их сущность. Все вокруг было таким далеким от Севера, таким чужим и страшным.

– Его высочество прибудет с минуты на минуту. Комнату мы подготовили, так что можете не беспокоится – протараторила Жанна, оборачиваясь к нам, – Госпожа Алетэль, вы

также будьте присутствовать?

– В этом нет нужды – прошептала она.

– Хорошо, как изволите.

Здесьние обычаи и порядки все не перестают нас удивлять, но с ними также надлежит считаться. Теперь мы тоже часть этой огромной семьи. Семьи, с которой у меня нет ничего общего. Конечно, не могу отрицать, что принц Аарон очень порядочен и учтив. А его волосы... прежде ещё никогда не видела подобного оттенка – яркого и одновременно блеклого, как само солнце. Во время танца они так здорово пушились, так и хотелось прикоснуться, пригладить, уложить их, как подобает. Но я не осмелилась. Не успела и руки поднять, как он тут же подхватил меня. Его движения были сбиты, да и выглядели неуклюже, но это не мешало ему веселиться. Созданный им ранее образ полностью соответствовал царской семье. Но в тот миг он словно изменился, а огромный щит, защищавший его, дал трещину. На его лице блистала нежная улыбка, но глаза наполняли печаль. Ещё во время церемонии я заметила этот взгляд, но не знала его причины.

– Если что-то ещё понадобится, прошу, сообщите нам. Мы с Еленой будем неподалёку – подала голос Тина, обращаясь к моей сестре, – А вас, госпожа я попрошу проследовать за мной. Я отведу вас в вашу комнату.

Алетэль больше ничего не сказала, лишь легонько приобняла меня за плечи. Ни теплых слов, ни единого звука. Ниче-

го. Эхо её шагов ещё долго гуляло между стен, пока и вовсе не исчезло. С этого момента начиналась моя новая жизнь.